Юность воина

Автор:
Марик Лернер

Юность воина

Марик Лернер

Юность воина #1

Одинокий мальчик, единственный из всей семьи выживший после смертельной болезни. Какая судьба ждет его в государстве, где каждый четко знает свое место? Раб и крестьянин не равны воину и купцу. Человек с имперским гражданством отличается от городского, у него совсем другие права. Но все это при условии поддержки со стороны родственников или хотя бы признающих тебя равным.

Какой удел может ждать человека без опоры? Такой, какой он определит себе сам. Ведь Блор твердо знает заповедь: «Пусть в роду воинов сын не родится, если он чести и мужества не имеет».

Марик Лернер

Юность воина

Глава 1. Раскопки древнего города

Блор мысленно выругался и принялся растирать озябшие руки. Мыть кастрюли в сбегающей с гор воде было сущим мучением. Она текла с ледника и даже внизу оказывалась жутко холодной. К сожалению, выбора не имелось. Как на самого

младшего, на него свалили работы по лагерю и, естественно, приготовление еды, с последующим отмыванием посуды. Еще интересный вопрос, насколько это хуже махания киркой.

Физически, конечно, легче, зато все время один и вечные претензии. То каша подгорела, то вкус не тот. Всегда найдется у людей к чему придраться. Тем более что приходится еще и скотину обихаживать, а до этого похода он про яков разве слышал байки, а лошадей видел в основном со стороны. Детство не в счет. Тогда чистить больше десятка не приходилось. Хорошо еще, есть Зевтиц и относится к нему вполне дружелюбно. Во всяком случае, объяснял и показывал необходимое на первых порах. Сейчас появляется в основном вечером и усталый, не до разговоров. Зима на носу, и приходится торопиться.

Для остальных имелось занятие гораздо более важное с точки зрения фем Кнаута, чем ковыряться у костра. Они старательно долбили землю в округе в поисках известного только ему места. Искал, искал, мерил, карту изучал, будто на ней разобрать хоть что-то можно толком. Потом ткнул пальцем. Три недели рыли – говорит, нет. На двадцать локтей в сторону. Теперь вновь трудятся. Уже глубоко залезли – и ничего, кроме непонятных подземных ходов. Кто делал и зачем, если они перекрыты, Мрак ведает.

То есть даже Блору давным-давно стало ясно, насколько хозяин приблизительно представляет себе искомое. Локоть вправо, три влево – и копай до снега. С другой стороны, ничего странного. В Шейбе жило где-то тысяч двадцать пять человек, и по размеру город хорошо если раза в три меньше долины. А стоит присмотреться – и понимаешь, насколько все кругом было застроено в те времена. С первого взгляда не разобрать, здания давно обвалились. Хорошо, фем однажды разговорился и объяснил.

Блор вздохнул и вновь принялся оттирать песком стенки котла. Привычное занятие совершенно не мешало размышлять об окружающем мире. Думать полезно. Это он твердо усвоил в течение не слишком длинной жизни. Сначала думай, потом говори или делай. Целее будешь. И так пороли бесконечно за малейшую провинность. Поэтому осторожность – в первую очередь, и важно внимательно перебирать известное. В случае чего у тебя есть готовое решение. Ситуации частенько повторяются. Сообразить – кто, что и зачем говорит – важно. Показывать свое понимание – нет.

Людям доверять нельзя. Чужим – вдвойне. Всегда надо ждать неприятностей. Но сейчас это лишнее. В ближайшее время ничего вроде не ожидается. Значит, все будет на манер вчерашнего и позавчерашнего. Мелкие сложности не в счет. Можно подумать просто о долине.

Здесь воздвигали дома из камней и глины. Богатые, естественно, строили из лучших пород камня. Колонны, покрытые резьбой и непонятными закорючками, до сих пор кое-где стоят. Еще больше валяется на земле. Бедные пользовались при сооружении хибар чем попало. Складывали их из обычных камней и необожженного кирпича: слишком мало в округе дерева. Зато глины и валунов – сколько угодно.

Вот стоит присмотреться внимательнее – и целые районы видны. В одних сохранились колонны и стены, даже крыши и подвалы. В других – с первого взгляда пустота. На самом деле там тоже стояли дома. Иногда один на другом, а когда завалились, при раскапывании видно слои.

Может, и интересно каким ученым людям вроде хозяина, но не Блору. Пользы от таких знаний – ноль. Но он все равно внимательно выслушал. Во-первых, привык любое новое откладывать про запас. Вдруг пригодится. Заранее никогда не угадаешь. Во-вторых, человеку приятно, когда его слушают с открытым ртом. Если даже тебе плевать на его слова – покажи, насколько любопытны чужие откровения.

Все любят поговорить о себе, и никто не любит слушать других. Твой изумленный вид и чувство, насколько собеседник умнее тебя, всегда на пользу. Ты просто соглашаешься со сказанным и, может быть, подбрасываешь вопрос, ведущий на крошечный шажок в сторону. Но ни в коем случае не перебивать!

Вот хозяин выбрал его, а не другого, для повествований и показа знаний. А почему? За парочку умело заданных вопросов. Конечно, не такой жизни он ожидал, но все лучше прежней. Не вечно они здесь останутся. «Если человек делится с тобой своим мнением, следует воспринимать его с глубокой благодарностью, даже если оно ничего не стоит. Если ты этого не сделаешь, он больше не расскажет тебе никогда о вещах, которые видел и слышал», – говорит Кодекс Воина, выученный наизусть. Там много полезного, и совсем не о фехтовании или стратегии. Обычные житейские вещи, благо от этого они не стали менее важными.

С лордом проблема. Первоначальное дружеское расположение очень скоро стало отдавать фальшью. Причины явной нет, но он не мог ошибиться. И что делать – неясно. Бегать сзади и заглядывать в глаза – глупо. Раздражает.

У него и так дел хватает с раннего утра до позднего вечера. Больше десятка взрослых мужиков, и всех накормить. Лагерь держать в порядке, за скотиной смотреть. Третий месяц торчат. Честно сказать, это спервоначалу тяжко было, потом привык и точно знал порядок. Что, где, когда. Даже время оставалось спокойно посидеть или упражнениями заниматься. Вечно варить кашу ему совсем не улыбалось.

Правда, нормального хвороста в округе уже не осталось, и приходится ходить невесть в какую даль. Но тоже занятие для разнообразия. Сидеть на одном месте в одиночестве – очумеешь. Скучно. Да и вообще надоело. Природа вещь хорошая – полежать на травке и погреть сытое брюхо. А махать киркой в горах или землю пахать – это не для него. Он человек города. Там все ясно. На худой конец – человек меча.

Что все порушилось – ничего странного. Столетия прошли. Летом здесь жарко, на своей шкуре проверили. Даже приятно. Воздух сухой. Замечательное место, если бы не пришлось четыре недели добираться по каким-то диким тропам без малейшего признака дорог.

Зевтиц вполне серьезно уверяет, что только летом здесь хорошо. Зима меняет все полностью. Морозы, когда птицы замерзают на лету, пронизывающие ветра, постоянно меняющие направления. Никогда не знаешь, что случится завтра. За грядой – сама Крыша Мира, и она влияет на погоду. А как – люди толком и не разобрались. Молись Солнцу, или не будет спасения.

Странное место. Нехорошее. Ну понятно, добывали они тут что-то. Не то медь, не то лазурит, или все вместе. Но чем кормились в таком количестве? Почему исчезли? В сказки деда Магина верить не хочется. А то ведь невольно приходят в голову неприятные мыслишки.

Что ищет хозяин – наверное, и лошади сообразили. А толку? Подумаешь, Великий Маг. Не бог же! Аватара все-таки рангом ниже. Столетия назад помер – это боги не умирают. Даже если и было что – вынесли еще когда. Книги, ага. Сгнили беспременно. Ну не дурак же фем, чтобы рассчитывать нечто важное

найти. Или дурак?

Все они пошарили в развалинах. Ничего путного никто не обнаружил, включая Айру, уверявшего, что умеет находить металл. Кучу ржавчины он нашел и старую шахту. Чуть не свалился в дыру. Жуткое место – неизвестно, как глубоко уходит, и узкая щель. Наверное, подальше забраться – и назад не развернешься. Так и станешь ползти задом на выход.

Ну его. Все равно ничего ценного там не найти. Что может оказаться в старой шахте помимо грязи и воды? Там и крысам жрать нечего. А если и был когда Черный Рудокоп, так ушел в жилые места. Скучно же сидеть в одиночку. Даже пугать некого, не то чтобы грызть. Сплошное кладбище.

Между прочим, человеческих костей кругом огромное количество. В домах, на улицах. Сначала неприятно было, потом привыкли. Уже не замечают. Неужели прав Магин и болезнь всех взяла? Так не бывает, чтобы до последнего умерли. Даже в карантинных деревнях. Ему ли не знать. Он сам из такой. Не сдох, выжил. И на улицах у них не валялись. Кого смог схоронил. Ну если демон заявился, тогда понятно. Но здешний маг ведь сам наверняка из демонов. Не поделили чего?

– Блор! – заорал знакомый голос, неприятно перебивая успокаивающее бормотание ручья. – Ты куда делся? Сюда топай, щенок!

Так, покою уже не будет, решил парень, поднимаясь от ручья к лагерю. Ну так и есть – Уоррен. Пожалуй, единственный в данной компании, кого он без раздумий прикончил бы при первой возможности. Увы, сделать это чисто пока не улыбнулось и вряд ли скоро забрезжит. В обычной драке опытный воин его быстро уделает – подойти невзначай еще ни разу не удалось. Отношение к себе Уоррен улавливал прекрасно.

Старый телохранитель хозяина не обладал глубоким умом, зато имел массу подлости и очень любил делать больно. Не только ему – остальные хозяйского пса ненавидели не меньше. В отличие от Блора, они все из родных мест хозяина, и казалось бы отношение другое, ан нет. Любому готов устроить пакость. При этом спиной не поворачивался, разве на людях, и регулярно под видом учения издевался, делая для окружающих цирк. Это было не только больно, когда он намеренно бил в полную силу, но и обидно.

Что такое тренировка с оружием и без, и что без синяков умение фехтовать не приходит, Блор сознавал. Видел в свое время дома. Да школа кое-что дала. Пусть тайком, прячась от глаз начальства, сначала втроем, потом с Жоайе основные движения и стойки они отрабатывали.

Этот не учил. Он издевался. Жаловаться смысла не имело. Лорд либо не понимал, либо не хотел замечать происходящего.

– Что случилось, господин? – спросил Блор, очень стараясь выглядеть послушным и не дать прорваться ненависти в тоне. Само слово «господин», с которым требовал обращаться к себе Уоррен, выходило за всякие рамки. Пусть они не равны по возрасту и опыту, пусть он обязан отрабатывать кабальный договор, а тот личный телохранитель лорда, однако ранг имеют одинаковый. Это оскорбление, и намеренное.

– Давай быстрее, – нетерпеливо потребовал тот и почти поволок его за собой. Ждать, пока мальчишка все разложит по местам, он не собирался.

Блор практически не удивился, когда возле раскопок его встретили остальные, почти подпрыгивающие от нетерпения. Все, кроме хозяина. Так и решил: что-то нашли. Неясно только, зачем он потребовался. Явно фем приказал позвать.

– Лезь, – приказал Уоррен, всучая уже горящий факел.

Переспрашивать и уточнять смысла не было. Кроме оплеухи, ничего не получит. Сообщать, что не напрашивался в подземелье ходить, – тоже. Если Уоррен выяснит про его нелюбовь к темноте – специально начнет искать причину отправить куда поглубже без света. Поэтому он молча шагнул внутрь. Ни за что не покажет страха или неуверенности.

– Я бы не пошел, – внятно сказали за спиной, не добавляя бодрости.

Два шага – и сзади раздались шаги. Свинья в облике человека не желала оставить его в покое.

– Быстрее, – шипит воин сзади. – Прямо и не бойся, ты же не из купеческой касты, – он неприятно хохотнул.

Подначки давно Блора не трогали, и он лишь скривился, благо мужик за спиной, лица не видит, и подзатыльник не грозит. Блор растерял большинство своих немногочисленных иллюзий о людях после смерти родителей, но к моменту знакомства с Уорреном все еще считал, что воины в общении между собой обязаны придерживаться Кодекса. В силу чести и долга, а также воспитания. Как выяснилось, зря. Уоррен мог родиться в семье воина, но не был им никогда, даже если воевал и убивал.

Душа у него паскудна и труслива. Мужик и есть. Грязный крестьянин. Ударь такого – и он благословит тебя. Благослови – и он беспричинно ударит тебя. Крестьяне всегда норовят отыграться за свои обиды на случайных людях. А про честь Уоррен и не слышал, замечательно себя чувствуя, обворовав хозяина. Все прекрасно знали, что пьет вино без разрешения не из общих запасов. Никто не желал об этом говорить вслух: боялись. Он много ближе к уху лорда и сумеет оговорить любого. Не сейчас – так потом.

А раз ворует у принявшего клятву верности, значит, и присяга для Уоррена ничего не значит. Ведь одно дело служить временно – другое до смерти. Никто не может заставить тебя произнести слова. Ты говоришь их самостоятельно перед лицом бога и людей.

Земляной ход неожиданно оборвался. Здесь каменную плиту пробили, и дальше начинался древний коридор. Те, кто жил тут раньше, проложили под землей ходы. Про это он был в курсе. Что вечером обсуждать, как не труды тяжкие! Наломались ребята здорово, пробивая камень. Втихомолку здорово ругались. Никто не ожидал настолько тяжелых дел. В узком коридоре и дышать особо нечем, а здесь врубайся день за днем. Сначала в одну стену. Потом в другую.

Ага, понял Блор. Вот и она. Очередная дыра, куда взрослый пролезет впритирку. Не спрашивая, нырнул внутрь, ободрав при этом плечо. Выругался невольно вслух, услышав в ответ довольный смешок Уоррена. Комментировать тот не стал, но мог бы, скотина, предупредить. Не видно же ни зги! Специально встал так, чтобы тень мешала.

– Что так долго? – гневно крикнул фем Кнаут, едва заметив блики света.

– Искать пришлось, – ехидно сообщил Уоррен, в очередной раз делая Блора виноватым. Оправдываться сейчас глупо.

В слабом свете светильника в руках фема подробностей было не разобрать, но лорд впервые на памяти парня смотрелся грязным и всклокоченным. Лицо в грязных полосах, и костюм уделанный.

Может, и раньше такое случалось, но он всегда приводил себя в порядок до возвращения в лагерь. А сегодня не только забыл про достоинство и приличный вид – еще и глаза горят, будто у сказочного вурдалака. Воистину добрался до заветного.

Роста он был выше среднего, полный, но не толстый, широкий в плечах, с небольшой седой бородой, абсолютно не соответствующей званию фема, и серыми подслеповатыми глазами. Перетрудил в книжных штудиях.

– Лезь! – нетерпеливо потребовал хозяин.

– Куда? – удивился Блор.

– Вон, – фем слегка сдвинулся, показывая жестом. Стала видна очередная темная дыра прямо в полу. Неудивительно, что за ним Уоррена погнали. Пролезть сюда способен в лучшем случае ребенок, а не взрослый мужчина. – Давай! – У него явно свербило, и вопросов он слушать не желал.

Блор нагнулся, присматриваясь. Прыгать внутрь совершенно не тянуло. Может, там глубина большая, а внизу камни или еще чего похуже. Когда дыру проламывали, вниз ведь сыпалось наверняка.

– Пусть разденется, – сказал Уоррен.

– Да-да. А то еще застрянет. Снимай с себя все.

– Заодно и в карман не сунет ничего, – с отчетливой угрозой заявил телохранитель.

– Ты назвал меня вором? – взвился Блор.

– Прекратить! – со сталью в голосе приказал фем Кнаут. – А ты думай, что говоришь! Плетей не пробовал?

– Случайно, – угрюмо поправился Уоррен.

Извиняться он не собирался. А мальчишки не боялся. Подумаешь, потребует ответить кровью за оскорбление. Не таких кончали.

– Не бойся, – говорил фем Кнаут, пока Блор без особой охоты разоблачался. – Привяжем веревку, спустишься по ней. Здесь невысоко. Локтей десять.

Угу, без особой радости подумал Блор, хорошо, прыгать не требует. И как мерил? Факел вниз кинул. Много таким образом поймешь. Хотя веревка – это удачно. Может, обойдется.

– А что там? – спросил без особого интереса.

– Господин недр и шахт, – без улыбки, очень серьезно ответил хозяин.

– Мертвый, конечно, – заверил, видя, как откровенно передернуло парня.

Это еще хуже, подумал тот. С живым хоть договориться есть шанс. А тут посылают напрямую в могилу. Нет, ну совсем совести у людей нет, ковыряются в мертвых костях заставляют. Ломай еще денек пол и прыгай самостоятельно. Или вон Уоррена гоняй. Ему грабить могилы – самое милое дело.

Стоять было зябко – температура хоть не особо морозная, однако голым все равно мало приятного. Хорошо, еще ветра нет. Откуда ему взяться: кругом камень, и даже воздух на вкус противен. Торопливо натянул обувку – мало ли что внизу, не хватает еще распороть ступню. Самолично завязал веревку на груди хорошо знакомым булинем.

Все-таки от любого знания рано или поздно приходит польза. Среди воспитанников Храма в Шейбе оказались самые разные ребята. Парочка с побережья, из семей рыбаков, один из грузчиков. Вот и пригодились кое-какие нестандартные уроки. Этот узел легко завязывается, сам не развязывается и к тому же не затягивается.

Фем Кнаут рядом продолжал нервно бубнить насчет величайшего достижения и не зря прожитой жизни. Похоже, он не особо соображал, с кем говорит, и

примерял на себя нечто невесомое, но очень важное. Не то известность, не то признание неких авторитетных специалистов. Уж не богатство – это точно.

Говорят, ученые все психи. Раньше не случалось встречаться. Видимо, так и есть. Дорвался. Великое счастье докопаться до могилы Великого Мага. А что там ловушки, кроме золота, и сейчас он собирается отправиться в них по приказу, – так, мелочь. Двадцать или сколько там лет искал. Достиг. Лишний день потерпеть мочи нет.

Говорить «держите» Блор не стал. Толку-то. Сами все знают, и одна надежда – хозяину он необходим внизу целым. А то бы с Уоррена сталось случайно отпустить. Он принялся протискиваться в узкую дыру, мысленно проклиная и свою удачу, и хозяина.

Острые края камня неприятно проехались по бедру. Вроде не до крови, сойдет. Уж к синякам не привыкать. Хуже всего пришлось плечам. Секунду он думал, что застрял всерьез, однако рванулся, не дожидаясь, пока Уоррен врежет, демонстрируя хозяину желание услужить и уже открыто поминая всех богов, Хлад, Мрак и павших навечно, провалился ниже. Повис в темноте, машинально поджав ноги.

– Спускай! – приказал фем Кнаут, и веревка рывками пошла вниз.

Оставалось только молиться, да вдруг все затверженные с детства слова куда-то сбежали. Блор напрягся, припоминая, и вытащил после короткого поиска из дальнего чуланчика памяти. Раскрыл рот – и тут же вновь потерял все. Уже не с испугу, а от удара по пяткам. Все-таки не очень глубоко. Спрыгивать, конечно, нельзя, а так – четыре роста, не выше.

– Стоп! – крикнул он. – Я встал.

– Не двигайся! Сейчас спустим светильник.

«Ну да, – непочтительно подумал Блор, – разбежался я носиться в темноте».

Левая ступня при легком движении почувствовала под собой пустоту. В кромешной темноте ничего не разобрать. Шагнешь – и навернешься в пропасть.

Он сел на корточки, ощупывая вокруг себя руками. Ну так и есть. Не пол. Нечто вроде большого камня. И не случайного. Линия скола ровная. Людская работа.

Наверху, в отверстии, засветился слабый свет, и привязанная к веревке лампа стала медленно опускаться. Видно все равно было крайне паршиво. Масло не первой свежести, да еще и животное, фитиль коптит и освещение дает препаршивейшее. Зато такая не гаснет и очень подходит для разных неприятных мест вроде подземелий. Опрокинуть – ничего ужасного. Специально сосуд закрытый, и лишь фитиль торчит. Не то что обычный факел. И горит долго, только масло подливай.

Блор поймал тихонько опускающуюся лампу, отвязал веревку, крикнул наверх, где наверняка торчали невидимые головы, и только тогда кинул взгляд под ноги. Тут же поспешно соскочил, прыгнув не хуже горного козла. Сам от себя подобной прыти не ожидал. Все-таки стоять ногами на саркофаге мертвого – не вполне нормальное занятие.

А пропасти, хвала Солнцу, здесь нет. Сделай дыру чуть в стороне – и он бы приземлился рядом, а не сверху. Одно хорошо: если и были ловушки, давно протухли. Тело должны защищать в первую очередь, а он о саркофаг только подошв не вытер. Куда уж хуже. Нет реакции – замечательно. И куча символов на полу, ему абсолютно непонятных, огнем не пышут и вообще ведут себя мирно.

В мутном свете фонаря стенки саркофага ярко блестели. Он завороженно шагнул вперед, колупнул пальцем и разочарованно плюнул. Это не золото. Просто какой-то странный камень с вкраплением блесток. Может, даже драгоценный, но очень вряд ли. Такого размера они просто не существуют. А будь в продаже – ничего бы не стоили, как не стоит известняк. То есть он, конечно, не валяется просто так. Добывать надо – значит, и цена имеется, но это просто камень. В отличие от здешнего, некрасивый.

Тут до него дошло, что голос сверху уже давно требует чего-то.

– Да, господин! – сказал он послушно, обращаясь к потолку.

– Хвала Солнцу, – с заметным облегчением ответил фем, – жив. Почему не отвечаешь?!

– Тут саркофаг.

– А что еще?

– Все. Пусто. Камера маленькая, будто тюремная.

Уоррен хмыкнул с явной насмешкой. Ну, в реальной тюрьме Блор не имел чести побывать, зато с карцером в школе познакомился достаточно близко. Его личный рекорд – двадцать суток в камере без света размером два локтя на два, где можно лишь сидеть на узеньких деревянных полатях и повернуться невозможно, а по полу течет вода, и воняет там хуже сортира.

Говорят, в городской тюрьме солому дают и на прогулки выпускают. А в храмовом карцере многие ломались. Лучше уж порка, чем эта жуть. Будто с того света возвращаешься. Стоять на ногах никто не способен. Смотреть – тоже. Глаза и ноги отвыкают от действия.

Он и сам темноту после этого не слишком любит, но были случаи, когда с ума сходили. Жрецы с такими не церемонятся. Кормить бесполезных не станут.

– Большой каменный и… хм. На крышке надписи, – сказал вслух громко.

– Что там?

– Так это не буквы. Эти… иероглифы. Как на зданиях попадаются.

– А, ну да. Откуда тебе знать древние тексты. Ладно, посмотри по сторонам. Что видишь?

– На стенах следы – будто собирались рисовать, да так и бросили. Плохо видно. Пятна какие-то в основном. Ничего не разобрать.

– Ну и Мрак с ними, – бордо заявил хозяин. – Конечно, они спешили и все равно ничего не сделали правильно. Не по обряду. Главное, чтобы внутри все точно совпадало.

«Кто торопился?» – не понял Блор. Переспрашивать не стал. Какая ему разница. Те, кто хоронили, видимо.

– Отойди в сторону, – приказал лорд.

Блор послушно убрался. Может, он и не ученый, но догадливый. Сейчас сверху скинут нечто тяжелое, и очень приятно, что предупредили заранее. С лязгом упал лом, за ним еще и шахтерская кирка. После паузы хряпнулся приличных размеров молот, выбив из саркофага кусок и разметав каменную крошку. По голому телу неприятно хлестнуло мелкими камешками. Хорошо, прикрылся – и в основном по рукам.

Опять же никаких реакций из саркофага на действия не наблюдается. Сторожа отсутствуют. Заклинания не действуют. Может, вранье все эти рассказы? Кто их, магов, вблизи видел? Он – точно нет. Вернее, да, видел, но на весь Шейбе один приличный – и дикие деньги дерет с просителей за лечение.

– Вскрывай! – потребовал хозяин.

Блор не удивился. Не бумагу же спустили зарисовать картинки на крышке, а лом. Что им делают, все в курсе. Придется совершить внеочередное преступление. На всякий случай попросил извинения у покойника – и помощи с защитой у Воина. Вставил расплющенный конец кирки в щель и ударил молотом. Еще, еще. Не гранит, легко идет. Руками, конечно, не поднять, а рычагом – вполне. Слегка расширить, лом вставить – и вперед.

Казнь за глумление над мертвыми точно полагалась, размышлял он попутно работе. Вот не интересовался подробностями. Вроде четвертование, а может, и что иное. Ну не особо страшно. Вряд ли кто из людей хозяина заинтересован доложить. Сами участвовали. Меньше чем штрафом не отделаются. А люди на присяге, в отличие от него – с договором.

Хм. Воровство у него было неоднократно, богохульство и тяжкие телесные тоже. Надо еще до списка убийство присоединить – и полный набор. Не у каждого такое в биографии присутствует. Отличился, сам не желая. Еще и магические дела. Хотя нет, это же не он дурью мается. Это фема к столбу. Ему – просто усекновение головы. Быстро и чисто.

Вот интересно, встань он в позу и заяви о своей глубокой религиозности – сразу бы Уоррен зарезал или предварительно долго били? Какая разница, конец один. А по Кодексу он прав, выполняя. Приказ есть приказ, и пока договорный срок не вышел, хозяин отвечает за все, совершенное по слову его. А поэтому надо надеяться на Воина.

Крышка саркофага со скрежетом поехала, стоило навалиться всерьез. Похоже, не особо тяжелая. И что теперь? Залезть внутрь вполне можно, но очень неудобно. Да и не хочется мордой вниз к костям. А так? Он поднялся на край плиты, уперся ногами крышку, ухватившись ладонями за постамент и напрягая все силы, так что заскрипели связки и кости, принялся давить.

Преграда поддавалась. Еще, еще, вплоть до красных кругов перед глазами, крышка ползла от него – и наконец дальний конец перевесил. С диким грохотом она рухнула на пол, расколовшись. Блор, в свою очередь, свалился прямо в саркофаг.

Пыль от камня и изнутри поднялась нешуточная. Он невольно чихнул, мечтая о глотке воды – прополоскать рот от всей этой гадости. Поднял голову и уперся взглядом в лежащего прямо под его ногами высокого мужчину. Ощущение было жуткое. Покойник внимательно следил за ним.

Не кости, как он ожидал. Почти нормальный человек. Высохший сильно, но ничего ужасного. Наверное, и лицо сохранилось, да вот не видно. На нем раскрашенная черным и красным маска с живыми чертами недовольно хмурящегося пожилого человека. Вот это точно золото. И проверять не требуется. А из маски смотрели черные глаза.

Глава 2. Убийство

Блор дернулся от удара в бок и сел, разлепив глаза. В недоумении осмотрелся в палатке и ничего не понял. Мало того что никого не было рядом и, выходит, поблазнилось, так еще снаружи явно ночь, а внутри – никого из его соседей. Обычно он ложился спать последним. Усталые после тяжелого дня люди редко засиживались, а вот ему приходилось прибирать за компанией возле очага. Сегодня…

А! Он вспомнил. И подземелье с могилой, и как, понукаемый хозяином, собирал все ценное из саркофага. Естественно, взгляд ему почудился. Уж больно удачно была сделана маска. А и притерпелся со временем. Это первоначально страшно, потом привыкаешь. Человек скотина такая – к чему угодно приспособится. И потом, все-таки хозяин не требовал выдирать зубы у черепа или отрезать куски плоти у трупа. Говорят, для некоторых лекарств куски магов очень полезны. Правда, дураков резать их мало находится.

Хотя, может, лорд просто не допер. Блор не стал ему излагать в подробностях состояние лежащего в саркофаге. Зачем? Тому нужны были ценности. Он их и получил. Правда, был неприятный момент, когда он отправил последнюю мелочь наверх в мешке и вдруг подумал, что его могут здесь оставить. Хвала богам, ничего такого не произошло. Вытащили.

Вот дальше началось нечто вроде праздника. Все дружно ликовали. Еще бы, поиск закончен до зимы, сидеть здесь при закрытых перевалах и при этом еще долбить мерзлую землю не придется. А что хозяин заставил бы – никаких сомнений. Ему что втемяшится в башку – так и будет сидеть, наблюдая. У некоторых странные идеи и тараном не вышибешь.

Зевтиц говорил, не первый год разыскивал книги и странные вещи. Огромные деньжиши потратил на подготовку. Нипочем не бросил бы начатого дела. Не ближний свет сюда переться, и второй раз собраться сложнее. Так и сидел бы до последнего, и люди с ним заодно.

С другой стороны, он обещал каждому очень приличные доходы за поездку, не оговаривая сроков. Не обязательно сребреники. Кому дом поставить, кому работу легкую и прибыльную. Лорд замечательно знал, кому и что обещать за труды.

И то – одна маска должна стоить пару поместий, не меньше. Чисто на вес. Но кто же такую вещь плавить станет? В столицу надо ехать и там предлагать. Или в Храм нести. Ценность невообразимая. А там много разного было. Интересно, ему хоть что обломится? Вряд ли. Его семь лет долго тикать станут. И хозяин ничего не сказал о награде. А мог бы, скотина ученая.

Его знобило, и Блор поспешно натянул полушубок. С этого и началось. Видимо, подхватил простуду в подземелье. Слишком долго возился в голом виде. Не лето

даже сверху. Ну и лечили его по-воински, как заповедано. Крепкий бренди с молотым перцем – и не закусывать. Все нутро горит, и ты будто вновь рождаешься, когда облегчение приходит. Да вот излишне алкоголь ему после второй в голову ударил. Не привык он всерьез пить, да и вообще на голодный желудок…

Словом, встал потихоньку и, не прощаясь, удалился отсыпаться. Навалил на себя разных одежек для тепла и вырубился. А они что, до сих пор продолжают? А почему так тихо? Чтобы на радостях не орали, не дрались или песен не пели – не по-людски это. Нормальные воины так себя не ведут. Труд или бой – дело другое, но праздновать положено с размахом. От всей души.

Он вылез наружу не столько из любопытства, сколько от желания отлить. Справил свои дела, отбежав к оврагу, и, поспешно застегиваясь, обернулся. В принципе делать такие вещи было не положено, легко и по шее схлопотать. Если все станут рядом с лагерем устраивать уборную, от дурного запаха никуда не деться.

Поэтому место они специально оборудовали достаточно далеко. Честно сказать, он лично и выложил стенки от ветра. Устроил подальше от воды и на склоне. Дело важное для всех. Проще, конечно, вырыть яму, но так все сразу уходит, и сидеть над оврагом даже полезно для бедер… Но сегодня новолуние, и увидеть его непросто. Так что ладно, сойдет.

Обычно никто не пренебрегал порядком, но, видимо, не ему одному невтерпеж. Стоило обернуться – обнаружил валяющееся неподалеку тело. На штанах очень характерный мокрый след. Блор ехидно ухмыльнулся и подошел ближе, собираясь выяснить, кто это. При случае можно и подколоть.

Позорище натуральное. Пусть после данного происшествия посмеет по его поводу высказать кривое замечание. Будет чем ответить. Чем ближе Блор подходил, тем меньше ему нравилось происходящее. Поза какая-то странная. Лежит ничком, а руки под себя поджал. Это как же упиться надо!

Присел рядом, заглядывая в лицо. Потом коснулся холодной, как лед, щеки и, уже почти не испытывая удивления, тронул спину. В темноте при отсутствии Луны черная ткань ничем не выделялась, но коснувшись рубахи, он почувствовал уже подсыхающую влажность. Поднес пальцы ко рту и понюхал.

Кровь. Совсем недавно Магина ударили. Били насмерть, умело. Таким уколом лезвие идет прямо к сердцу.

«Кто?» – вытаскивая нож и вглядываясь в темноту, думал Блор. Перепили, подрались? Может быть. Но здесь – в спину. Кто-то настиг и вогнал без разговоров. А Магин не чета ему был. Драться умел и любил. Сорок с лишним лет, а прыткий. Выходит, не ждал. Хотя, может, все проще, и пьяный настолько, что на врага не среагировал. Тем более знакомого…

Стоп! Почему я решил, что свой сделал? Да откуда здесь чужаку взяться! Три месяца ни один не появлялся. Горцы еще в начале пути сказали: проклятое место. Они сюда не сунутся. И вдруг сегодня… Ну, убили, а потом? Должны были шуметь, вещи собирать. Просто так никого не режут. За скотиной пришли. А кругом тишина.

Где остальные? Он поднялся и, стараясь оставаться незаметным, двинулся в сторону очага. Уж что-что, а направление он всегда чуял. Тем более что в родном лагере давно каждый камушек знает. Медленно, пригибаясь, он почти подполз к алеющему последними углями костру. Дрова прогорели до конца. Подкидывать новые стало некому.

Они лежали вповалку. Судя по позам, погибли почти в одно время. Но здесь следов оружия не было. Зато имелась на губах пена. Больше всего походило на отравление. Тем более что над открытым бочонком стояло слабое синее марево.

Блор поднял валяющуюся тут же кружку и не удивился, обнаружив такое же над нею. Понюхал и пожал плечами в недоумении. Ничего подобного он раньше не слышал. Если можно видеть, почему они не заметили? Тут до него дошло – отрава. Опять же свой, не чужак. Он пил из того же бочонка до ухода. Выходит, подкинули яд после. И не очень давно.

Блор тщательно пересчитал тела. Потом еще раз, обойдя кругом. И заглядывая за камни. Вдруг кто просто спит или удрал. Нет. Все скончались сразу. Девять. Магин отдельно. То ли не пил, то ли мало угостился. Его добили потом.

Еще трое отсутствуют. Фем Кнаут не стал бы пить с воинами: не его уровень. Он и ел отдельно – то, что Блор приносил. Из того же котла, но отдельно. У себя в палатке.

И пить со всеми он не стал бы. Это точно. Даже сегодня. А вот Уоррен и Зевтиц непременно должны находиться здесь. Значит, это они сделали. И следующий шаг – убить хозяина. Заберут золото – и никто потом ничего не докажет. Гады. Надо предупредить, может, еще не поздно.

Он не вспомнил про классическое: «Иди навстречу опасностям. Так проверяется воин. В душе его не место трусости».

Сейчас это все оказалось абсолютно несущественным. Он мог не любить своего хозяина, но обязан ему службой. Поступить иначе просто не пришло бы в голову. Никто не вбивал им заповедей в школе при Храме – достаточно его личного понимания долга. Сражаться за хозяина и помогать ему – прямая обязанность воина. Иначе он пустое место. Крестьянин. Тупой и никчемный.

В палатке сквозь ткань было видно огонек. Лампы. Фем Кнаут вечером частенько читал допоздна. Даже с собой специально притащили большой груз масла для освещения. Неизвестно, рассчитывали ли его изначально для раскопок подземных ходов, но у себя хозяин жег постоянно. Что он там изучал в одиночестве, никто толком не знал.

Сейчас полотняный клапан входа оказался откинутым, и глупая поспешность обернулась против Блора.

– Ну надо же, – сказал Зевтиц при его виде, неприятно оскалившись, и бросил под ноги хорошо знакомое ожерелье-воротник из золота, изображающее какую-то хищную птицу.

Блор сам его доставал из саркофага, и здесь без ошибки. Такая ценность в руках у постороннего достаточно ясно говорила о ситуации. Зевтиц сам взял, никто бы ему не позволил баловаться с чужим добром.

– Забыл. Совсем тебя упустил из виду.

Он казался нестарым, всегда двигался с хищной легкостью дикого зверя. Одно слово – лесничий, егерь. Всю жизнь ловил браконьеров и воров, а люди они очень опасные, и чем заканчивается арест, прочно выучили еще до начала своей рисковой карьеры. Столкновения между ними практически всегда завершались

смертью. Или одних, или других.

Схватить браконьера живым совсем непросто, зато платят много выше. Самое милое дело – поранить, искалечить или что похуже сотворить. Главное, доставить живым. Те еще люди – лесничие. Жесткие, грубые, не стесняющиеся применить силу, но при этом глупцов среди них найти сложно. Простаки умирают достаточно скоро.

Сколько ему лет, Блор не взялся бы судить. Может, сорок, а может, и тридцать. Морщин и шрамов на виду нет, а тело крепкое и привычное к физическим тяготам. Нельзя сказать что могучий, зато жилистый и выносливый. За весь поход никто не слышал от Зевтица жалоб.

У него было чистое, лишенное морщин лицо и колючие прозрачные глаза. Высокий, широкоплечий и очень опасный. Достаточно посмотреть в холодные глаза. Моментально мурашки по спине, и хочется взгляд отвести. Этот зря не угрожает. Сказал – сделал.

– Почему ты, собственно, живой? – неспешно надвигаясь, весело удивился Зевтиц, извлекая из ножен свой короткий меч.

– А почему это я должен быть мертвым? – пятясь, переспросил Блор.

Самое лучшее для него было повернуться спиной и задать стрекача. Это он понимал отчетливо. Сложность, что удрать от лесничего – шансов мало. Пожалуй, меньше, чем победить в схватке. Именно Зевтиц под настроение его учил в свободное время драться на клинках. Чем закончится соревнование мастера и подмастерья, предсказать легко.

Но умереть трусом в бегстве, от удара в спину – не быть принятым в чертоги Воина. Родиться в следующей жизни рабом? Ни за что! Да и куда бежать? В голые скалы? Быстрая смерть с ножом в руке приятнее замерзания в горах.

– Ты хоть знаешь, почему никто не полез внутрь и позвали тебя? – со странным оттенком в голосе спросил лесничий.

– Потому что трусы. «Смерть придет из могилы Мага. Она сидит и терпеливо ждет недоумка, посмевшего покуситься», – Блор выругался. – В бабские сказки верите. И ты не лучше.

– Это не сказка, а легенда. Не выдумка. И лучше не лезть напролом – целее будешь. Запомни: действовать обдуманно, а не по первому велению сердца, очень полезно для выживания. Вот чего ты приперся? Фем Кнаута предупредить?

Он весело рассмеялся.

– Этот умник привез тебя сюда с единственной целью – отправить на смерть.

– А плевать, что и кто думает! Важно – насколько я себя уважаю, – заявил Блор, с отчетливым холодком вспоминая отношение к нему остальных.

Они будто обходили стороной и крайне редко обращались прямо. Похоже, вся компания мысленно заранее записала его в покойники. И то: единственный из всех не из поместья. Только трое с ним фактически общались – стоящий перед ним убийца, Уоррен и хозяин.

– Все-таки странно, – задумчиво пробормотал Зевтиц.

– А вот он я – живой. Надо просто верить и попросить Воина о помощи.

– А ты молился?

– Да!

– Сколько хороших людей обращались к нему, – с сожалением качая головой, произнес Зевтиц, – всегда кто-то умирает.

– Поражение или победа – какая разница. Я умру воином.

– Ну тогда попроси Воина еще, – криво усмехаясь, сказал лесничий. – Жизнь твоя была коротка, но безупречна. Я засвидетельствую, когда придет мой час.

Разговоры кончились. Блор приготовился, чуть согнувшись и наклонившись вперед. Рука вытянута и готова нанести удар. Рука с ножом находится сзади и расположена близко к телу, для того чтобы противник не мог попытаться разоружить.

– Молодец! – одобрительно согласился Зевтиц. – Помнишь мои уроки.

Дальше должен бы последовать быстрый выпад, и Блор мысленно взвыл:

«Воин!» И ничуть не удивился, обнаружив себя смотрящим со стороны на долину. Над горой появились первые лучи солнца, осветив розовым кучерявые облака.

Откуда-то он точно знал – скоро начнется резкий ветер, и похолодает. Не суть важно. Плыть на манер облака было достаточно забавно. Это и есть гибель? Он уже того? Да вроде нет. Свое тело он продолжал чувствовать, но странно – будто игрушку на тонких ниточках, уходящих вниз.

Опустился ниже, отметив полное отсутствие в округе посторонних людей. Вот горные козлы или бараны, без понятия, как правильно называются, шли чередой куда-то вниз. Наверное, и они почуяли ухудшение погоды.

Очень зря они туда шагают. Как раз на дороге у ручья их поджидает снежный барс. Хотя нет, это кошка. Ну, по-всякому хватит задрать одного из отары. Она и сама пока не знает, какая удача ждет, просто хорошее место для засады. Вода, тропа узкая.

А! Не суть… Сейчас все это ерунда. Надо вернуться в тело, иначе очень скоро и некуда станет вселяться.

Стоило пожелать – и началось резкое снижение, от которого захватило дух. Резкий рывок – и он завис над собственной напряженной фигурой. А потом, будто в открытую воронку, влился внутрь через голову.

Ощущения были изумительными. Он по-прежнему видел все вокруг себя, и при этом собственное тело воспринималось будто надетые сверху доспехи. В нем теперь было достаточно силы, чтобы сделать что угодно. И судя по движению

лесничего, прошло всего ничего. Тот все еще тянулся в выпаде. А Блор отчетливо увидел: сейчас он обязан шагнуть в сторону, избегая нападения. Зевтиц этого ждет и ударит справа понизу, разрубая бедро. Потом еще один удар, и сверху по плечу – все. Останется кусок мяса, а человека по имени Блор фем Грай не станет навсегда.

Но зачем ему действовать так? Вот именно! И Блор сдвинулся вперед, уходя от очень медленно надвигающегося меча. Он пошел на сближение, чего никогда не смог бы в нормальной ситуации, но в эту секунду он точно предугадывал каждое движение противника. И испуг Зевтица, когда тот обнаружил Блора буквально вплотную, а не отпрыгивающего назад, даже позабавил. Но думать было некогда.

Блор вонзил нож в живот лесничего. Выдернул и опять воткнул. Три, четыре раза подряд, разрезая плоть со всей возможной силой. Очень быстро, не обращая внимания на брызжущую на руки и одежду кровь. Почти прижавшись, он наносил уколы вновь и вновь, вытаскивая осознанно грубым движением. Не просто рана – разорванная, и как можно паршивее.

И тут все закончилось. Пропало изумительное восприятие, когда одновременно видишь все, исчезло невозможное замедление времени, и он находился вплотную к Зевтицу без наличия недавнего преимущества. Сейчас тот его пришибет.

Блор со всей возможной поспешностью отскочил, чуть не упав, и опять замер в стойке, тяжело дыша и готовый драться. Лесничий стоял, глядя на него изумленным взором. Меч валялся на земле, а рукой он зажимал разрезанный живот, из которого лезли синие кишки. Потом рухнул на колени.

– Как? – прохрипел изумленно.

– Воин помогает честным и не любит отравителей, предателей и нарушивших клятву, – с глубокой убежденностью заявил Блор. Теперь он точно это знал, и никому не поколебать глубокой его уверенности.

Лесничий скривил в оскале рот в жуткой ухмылке.

– Алчность, гнев и ревность до добра не доводят, – произнес он с трудом и неожиданно подмигнул. – Слово не пустой звук?

– Ты был для меня хорошим учителем. Во всех отношениях.

Он не стал объяснять, что и в искусстве обмана тоже. Впервые так прокололся за последние годы. Потерял бдительность из-за того, что решил, будто поймал удачу. Не в слуги взяли, не мальчиком на побегушках. В качестве воспитанника воинов. Редко кому в их компании так повезло. Вот и вляпался.

Думать надо. Всегда думать. Не доверяй никому полностью и не будь откровенным до конца. Всегда держи нож наготове. Это жизнь, пришлось повидать разное. Хорошему научиться трудно. Плохое всегда смотрится заманчивее. Люди идут по пути наименьшего сопротивления, однако данная дорога не для него.

– Меч в могилу? – спросил без большой охоты. Самому пригодится. – Ты погиб в бою.

– Нет. Бесполезно. Воин видел.

– Да. Он знает.

– Не. Говори. Никому, – произнося каждое слово отчетливо, но с паузой, говорил Зевтиц. – Как. Умерли. Все. Боги. Знают. Людям. Нет.

– Да. Память родных – важно. «Нельзя отвергать совершившего ошибку, – процитировал Блор Кодекс Воина. – Однажды оступившийся будет благоразумнее в поведении, а близкие не отвечают за преступника».

Лесничий улыбнулся с заметным облегчением, впервые на памяти Блора светло и открыто, и осел. Он еще не умер, но сила, державшая его на земле до сих пор, вся ушла. Началась агония. Блор стоял и смотрел, как из могучего тела предателя и отравителя уходили последние капли крови.

«Тот, кто стремится спасти свою жизнь, потеряет ее; тот же, кто готов отдать свою жизнь, – сохранит», – звучали у него в мыслях знакомые слова.

– Спасибо, Воин, – сказал Блор, подняв голову к небу, когда все закончилось, – жертва будет хорошей. Я обещаю.

Он обошел по дуге мертвое тело и направился к палатке. Собственно, еще когда он был… кем же он был… не столь важно… Он прекрасно видел, что внутри нет живых, как и вообще в долине, помимо него и Зевтица. Так что особых эмоций проткнутый копьем насквозь на манер мотылька Уоррен не вызвал.

Как и фем Кнаут, лежащий на спине с перерезанным одним движением горлом. Голова держалась буквально на ниточке и лежала на плече с возмущенным выражением. Ковер весь пропитался кровью мертвецов, и ноги неприятно хлюпали. Блору было слегка не до того. Он напрямую прошел к ложу хозяина и извлек из походного ларца хорошо знакомую заветную флягу. Неоднократно видел раньше, где лорд ее держит.

Нетерпеливо вырвал пробку и обнаружил, что осталось совсем немного. Видимо, хозяин недурно прикладывался в одиночку, требуя от остальных неукоснительной трезвости. Маленькие, уже никому не нужные и совсем не интересные тайны. Запрокинул голову и заметил, что рука дрожит. Горлышко стучало по зубам.

Блор почти упал на устилающие доски мягкие одеяла и принялся старательно размеренно дышать, согласно храмовой науке. Единственное, что он взял от школы и признал полезным. Стало легче. Успокоился после десяти минут медитации и очищения души привычным ритмом молитвы. Можно продолжать грешить.

Жгучая жидкость опять пошла в желудок, давая приятное тепло. Все-таки озноб не ушел окончательно. Это явно был не страх, а продолжение простуды. Худшее, что он может себе представить, – это болезнь в горах. Никто даже воды не согреет.

Стоп, сказал сам себе. Какие горы? Я что, собрался здесь сидеть? Нет, конечно. Значит, надо собираться и возвращаться. Еда и что? Безусловно, ценности. Так или иначе, он обязан доставить их вместе с известием о гибели бывшего хозяина домой. Это важно. Очень. Фамильное кольцо-печатка и бумаги.

Но это потом. Сейчас надо четко разобраться, что имеет смысл тащить с собой. Максимум два яка. Больше он контролировать не способен. Они только со стороны выглядят добродушно из-за лохматости. Хитрые, противные, зато почти не требуют ухода и жрут все подряд – траву, мох, лишайник, мелкий кустарник. Ничего, два десятка пудов груза должно хватить на дорогу, а если что – так и мясо под рукой.

Он глотнул еще раз ароматной жидкости, поболтал флягу и, не услышав звука, отложил в сторону. Хорошего понемногу. Завернул оба трупа в коврики и, завязав веревкой, с трудом вытащил наружу. Сидеть в компании с мертвяками не то чтобы пугало, но мешало. Места в палатке было совсем немного, и ходить по телам, спотыкаясь, совершенно не хотелось.

Хоронить, роя отдельные могилы каждому, все равно не станет. Слишком долго и муторно. Потом пригонит быка с волокушей и отвезет этих троих, как и остальных, к раскопкам. Всех в яму и подрыть вход – нормально. Звери не доберутся.

Сейчас его занимало другое. В открытый вход светило солнце – специально так палатку ставили, чтобы с утра поднимало теплом. Можно было наконец рассмотреть, что же он такое извлек из саркофага. Нет, и так ясно, что убить могли и за одну маску, но он-то напихал вещи в два мешка. В полумраке особо не рассмотреть, да и торопился.

Ощупывал по сантиметру внутренность саркофага, чтобы не пропустить чего-то стоящего, и даже не разглядывая кидал в кучу. Перстни с пальцев, вернее того, что от них осталось. Амулеты, украшения с одежды. Раньше она вся была расшита камнями, и нити, исчезнув, больше не держали узоров. Все осыпалось, и пришлось выгребать на ощупь.

Все-таки выбрасывать останки мертвого на пол он не посмел. Есть граница скотству. Если бы не разломалась плита, задвинул бы назад. А так просто положил два основных куска поперек на прощанье.

Тогда хотелось закончить поиски поскорее и убраться из неприятного места. А сейчас заело любопытство. Искать все равно ничего не требовалось. Лесничий за него постарался, повытаскав все из мешков. Наверное, так и сидел, разглядывая ценности, обалдев, пока Блор не заявился.

Куча камешков всевозможных калибров – от совсем крошечного до размером с фалангу пальца взрослого человека. Лазурит он видел, насчет рубинов догадывался по цвету. Все остальное неизвестно как называлось и сколько могло стоить. Почти наверняка драгоценные и редкие. Но обработаны грубо. Это даже такому, как он, видно.

Вот фигурки из золота – совсем другое дело. Наверное, они что-то значили для живших здесь. Лично он видел обычных зверей, правда, искусно сделанных. Птицы, хищники, яки, лошади. Одиннадцать браслетов из нескольких видов металлов – золото, серебро, бронза, медь, железо и еще нечто непонятное. Может, сплавы.

Они были раньше надеты на руки мага. Почему-то непарное количество. Шесть на правой и пять на левой. Наверняка в этом содержался важный смысл, но не для простого парня. Посвященные должны быть в курсе, но когда нужно, их не обнаружишь рядом.

Еще три тяжелых кольца с большими камнями. Опять два на правой руке, один на левой. Неспроста. Сделанные из костей игральные кубики и непонятная игра с фигурками, положенная в ноги. Маленькие воины из кости, раскрашенные в белый и красный цвет. Вроде и сделаны из разных костей, но с уверенностью утверждать, что один набор из человеческих, а второй из костей теленка, он не смог бы. Может, вообще слоновая или моржовая кость. Ни того, ни другого материала в руках не держал.

Ничего похожего раньше Блору не встречалось. Но это все ерунда, хотя и дорогая. Гораздо важнее оказалось оружие. Кривой бронзовый меч, в котором клинок, эфес и рукоять состояли из единого куска металла, и очень схожий по исполнению кинжал.

Ножны обоих предметов украшены рельефами, выдавленными на тонких листах золота, и мозаикой из разноцветных камней. Узоры и рисунки в сочетании с тщательно подобранными кусочками коры и кожи изображали сцены охоты. Блор впервые в жизни понял значение слова «красиво» в отношении обычной вещи. Храмовые фрески были привычны и не вызывали восхищения. Здесь – совсем иные, абсолютно не божественные мотивы.

И обычная палка, украшенная резьбой. Растительный орнамент заполняет пространство между животными. Странная тварь, атакующая козла. Она же, преследующая теленка и рвущая на части людей. Мало ли что изобразят для красоты. Не может быть хищник размером почти с корову. Есть такое умное слово «стилизация». В Храме всегда изображения правителя или бога намного выше обычных людей. Для наглядности. Чтобы знали свое место.

Один конец дубинки утолщен, и снизу проведена по окружности черная и красная линия. Зачем и почему поместили на грудь мертвого, под скрещенные руки, непонятно. Уж точно обычная древесина, хотя и странно тяжелая. Говорят, далеко на юге есть дерево, тонущее в воде. Эта вещь тоже плавать не станет.

Мрак, выругался он вслух. Умудрился запачкать кровью. Старый, еще утренний порез на пальце разбередил, и попала пара капель на изображение. Старательно отер рукавом и еще раз посмотрел. Колупнул ногтем, понюхал, даже на язык попробовал. Точно – самое обычное дерево. Значительной ценности не представляет. А лежало возле руки. Странно.

По размышлении Блор постановил считать ее скипетром – знаком власти. Видеть раньше не приходилось, за исключением посоха у старшего жреца Храма, но почему нет? То есть представляющая ценность для определенной категории людей, не больше. А поскольку жители долины все давно скончались – и не нужна никому.

А вещь очень неплохая, на манер дубинки. Прикладистая, удобная, и вес подходящий. И он, не сомневаясь ни на мгновенье, засунул ее за пояс. Будь она из куска золота – никогда бы себе не позволил взять, а это обычное дерево. И на вид, и на ощупь. Если бы не резьба, никто и не заметит. Но это просто. Надо рукоятку кожей обернуть. Заодно и потная рука скользить не станет.

Посмотрел на выход и невольно вздохнул. Впереди были похороны, да и поесть не мешало бы. Завалить в жертву яка в качестве благодарности Воину – обязательно. Двух нагрузить. Остальные пусть гуляют. Им вроде неплохо в окрестностях.

В любом случае караван он тащить за собой не сможет. Соберет еды – муки, крупы, картошки, лука обязательно, свежего, и остатков сушеного мяса. Охотничье снаряжение пригодится. Еще мешок с добычей – и на перевал

отправляться. Работы на полдня как минимум. А вечером имеет смысл выступать. Или переночевать еще один раз, дав себе отдых перед тяжелой дорогой? Нет. Быстрее уходить. Скоро похолодает, и тогда он не сумеет пройти через хребет. Сегодня отправляться.

Глава 3. Путь в неизвестность

Блор старательно потыкал длинной палкой в дно ручья. Вода настолько мутная, что не разобрать, насколько глубоко дно. Не хватает еще нырнуть в ледяную воду. И так мало приятного лезть туда, а вконец надоевшая тупая скотина в очередной раз артачится, дико хрюкая.

Кто вообще из нормальных людей слышал, чтобы корова производила столь странный звук? Ведь корова и есть, самая натуральная. И по виду, если не считать длинной свалявшейся шерсти – но это защита от холода, – и по использованию.

В горах ничто не пропадает зря, даже помет используется в качестве топлива, однако и в остальном ничего нового. Мясо, молоко и производные от него, кости, жилы – все идет в ход. Ничто не выбрасывается. Из шерсти делают пледы, а из хвоста метелку. Корова и есть, только еще более тупая, чем на юге.

– У, скотина, – сказал вслух с ненавистью, – чего упираешься? Нет другой дороги – оползень.

Як опять захрюкал и дернул головой достаточно красноречиво. Маленькие глазки смотрели с неприятной готовностью подловить и ударить тяжелой башкой. Уже случались попытки. Эта была крупней второй и упрямей. Почти с него ростом в холке. Зря он взял с собой двух – перемудрил. Возни в два раза больше.

– Я тебя все равно заставлю, – заявил вслух, приложив со всей силы скипетром. Пинка она просто не почувствует: слишком толстая кожа, «укрепленная» еще слоем жира и лохматой шерстью. Бить надо без жалости.

Скотина взбрыкнула, жалобно всхрюкнув на манер поросенка, и рванулась вперед, прямо в воду, поднимая брызги. Вторая, привязанная веревкой к ней, меланхолично последовала сзади, жуя что-то на ходу. Пока они пререкались с упрямицей, ее подружка отыскала нечто съедобное на голых скалах. Лишайники, что ли, жрет. Во всяком случае не затрудняет жизнь. Двух непослушных он бы не выдержал.

Впрочем, и не станет дальше. Тупой и упрямой место в котле. Жаль, что не все мясо сможет унести. На вторую можно нагрузить дополнительно не больше трех-четырех пудов, иначе не потянет. Они все сидели на голодной диете уже не первый день.

Поход оказался неожиданно тяжелым и длинным. Ко всему прочему, еще повалил снег, и почти неделю пришлось сидеть во временном лагере не так далеко от оставленного. Только за перевал сумел проскочить – и началось. Выло так, будто все покойники сразу слетелись к нему с претензиями, – ветер дул страшный. Идти в снегопад невозможно. Он практически сразу потерял направление и брел пару часов в поисках подходящей площадки для ночевки.

По его расчетам, продуктов надолго не хватит. Часть из них подмокла и испортилась, за что винить надо исключительно себя. Иногда он думал, не сделал ли крупной ошибки, двинувшись в путь. Может, имело смысл подождать до весны. Но сидеть еще много месяцев в одиночестве в долине? Его всерьез передернуло при воспоминании о случившемся.

Жертву он принес по всем правилам. Ну, насколько смог вспомнить. Все-таки тонкостям их не учили, а искать под темной с сединой шерстью яков правильную одноцветную раскраску – натуральное излишество. Не Храм все же, походные условия. Жертва по мере возможности. Воин должен понять его затруднения, тем более что не пожалел лучшего яка. Огромного, под тонну весом, с широкими рогами. Сразу, как и обещал. За помощь надо благодарить.

…А потом оно пришло. Блор не знал такого животного, зато очень хорошо рассмотрел его изображение на скипетре. Телосложением похоже на волка, но заметно больше знакомого зверя, при этом маленький в сравнении с телом хвост, огромная совершенно не собачья голова с большими круглыми ушами и жуткие красные глаза. Они посмотрели друг на друга, хищник оскалился, показывая мощные клыки.

Блор тихонько отступил. Кто он такой возмущаться, если на запах крови пришел демон? Так и просидел всю ночь с копьем под рукой, неизвестно чего ожидая. Напади такой зверь – вряд ли помогла бы храбрость. Челюсти вполне способны перекусить пополам не то что оглоблю, а и человека.

Кто бы это ни заявился – дух, бог или обычное животное, – он вполне удовлетворился роскошным угощением. А вот надеяться, что не тронет и дальше, странно. Пусть себе питается, но проверять как-нибудь не ему. Ну что зверюга такого размера и весом с двух Блоров может жрать в округе, при том что они ни разу не видели следов и не слышали ничего?!

Нет. Не может это быть здешний хищник. Даже яки паслись спокойно все это время. Вряд ли им пережить зиму в долине, если такой повадится навещать регулярно. К раскрытой могиле пришел, и гадатель не требуется для подтверждения. Нет иных вариантов. Да плевать. Не напал – и спасибо Воину. Возвращаться Блор точно не собирается.

Теперь дорога поднимается по крутому склону над весело шумящей речкой. Замечательные сапоги из кожи какого-то морского зверя он взял у фем Кнаута. Тому уже без надобности, а изумительно сшитая, доходящая до бедер обувь не пропускала воду, смазанная заранее салом и жиром.

Размер оказался больше нужного, но в шерстяных носках и портянках в самых раз. Ноги – для воина и путешественника первое дело. Это он усвоил в начале похода. Стоило один раз натереть неподходящими бахилами – и сразу вспомнились некогда пропускавшиеся мимо ушей наставления отца.

Для неровной поверхности нужны высокие ботинки, поддерживающие лодыжку. Ботинки должны быть крепкими, но легкими. Никто не будет ждать человека, по собственной вине набившего кровавые мозоли. А если сорвать – недолго и заражение крови получить.

Эти да еще масса дополнительных советов обычно не вспоминаются. Мудрость предков редко познается потомками вне собственного опыта. Но если уж приходится вспоминать, то наглядно оцениваешь важность наставлений.

Блор поскользнулся и машинально выругался. Все кругом из глины – и сама дорога, и обрыв, и уходящий в синее небо склон горы. В период дождей здесь,

наверно, все сползает, и вряд ли можно проехать. Это же не нормальная дорога, а практически звериная тропа, вьющаяся над обрывом.

Живности здесь много на удивление, да вот поймать совсем не просто. Не подпускают. Видно, знают человека. Зато если походить часок-другой, наверняка найдешь остатки горного барана: череп с рогами, кости или обрывок шкуры. Туши, правда, не залеживаются. Волки не страдают отсутствием аппетита, а потроха подберут вороны или еще какие падальщики.

Второй як с тупым удивлением обернулся на звуки. Он себя прекрасно чувствовал, насколько это возможно, и никаких неудобств не испытывал. У него копыта, и сразу четыре, твердо ступающие по земле. При всей своей внешней неуклюжести яки были способны и на отвесную стену взобраться. Правда, не очень высокую. Человеческие проблемы со скользкой дорогой или холодом поставили бы их в тупик, если бы они хоть слегка соображали.

Плевать, плевать, еще раз плевать. Больше никто и никогда не заманит его в горы какими угодно обещаниями. За поворотом появляется гигантский, скругленный наверху скальный кряж. Если не принимать во внимание его красного цвета, ничего нового. Эти громады давно не вызывали интереса и эмоций. Кругом натыканы высокие пики.

Каждое уходящее на север и восток боковое ущелье открывало вид на высочайшие пики Матери Гор. Но вот это… Блор замер на полушаге, и у него натурально задрожали ноги. Никаких скал красного цвета по дороге в долину он не заметил. Их не было! Выходит, он умудрился все это время идти не туда.

Снегопад! После него. Раньше дорога была одна, спутать просто невозможно. Очень хотелось лечь и заплакать. Не меньше требовалось срочно выпить чего-нибудь крепкого. Раньше он не понимал, зачем люди пьют, стремясь забыть. Теперь стало кристально ясно. Выкинуть из головы прошлые глупости, совершенные по собственной вине, хотя бы на короткий срок.

Ему это не подходит по многим причинам. Для начала – валяться в блевотине на морозе хуже некуда: замерзнешь к утру. А еще и нечего пить. Хозяйские запасы он употребил еще тогда. Бочонок с бренди брать заопасался. Даже в качестве сосуда для воды не пойдет. Еще не хватает травануться, если эта гадость устойчивая и впиталась в стенки. Короче, и захочешь надраться – так нету. Оно

и к лучшему.

«Лучше, когда человек еще в молодости столкнется с несправедливостью судьбы, ибо если он не испытает на себе трудностей, его характер не устоится. От того, кто, сталкиваясь с трудностями, опускает руки, пользы не будет», – утешая сам себя, произнес очередной канон из Кодекса Воина.

– Поживешь еще, – сказал негромко яку, догнав свой бредущий не торопясь караван. – На крайний случай пригодишься. А пока неси самостоятельно свои мослы, а попутно и мой груз. Не тот случай, чтобы мясо бросить. Мрак его знает, сколько еще идти.

Тот покосился на него и опять недовольно хрюкнул. Действительно, нашел с кем обсуждать положение. С тупой скотиной. Им тоже было не слишком хорошо. Выносливость и неприхотливость – замечательные качества, но требуется и нормальная пища. А в скалах и на старой дороге травы давно не осталось. Кругом снег.

Еще немного – и станет вообще паршиво. Требуется найти долину-оазис и дать подкормиться слегка, однако каждая задержка только ухудшает положение. Назад точно идти нельзя. В любом случае – юг или юго-восток. Речки должны впадать в Креману, а дальше – в Кулу, по которой они приехали. А там люди. Полным-полном.

Стоп! А может, это испытание? Воин проверяет, достоин ли я? Да ну, ерунда. Не ищи следов высших сил в собственной глупости. Я испугался? Ну и что? Плевать. Все равно надо идти. Всегда. На злости, на упрямстве. Через себя переступив. Выхода нет. Всегда вперед. Пока жив – вперед. Страх отнимает силы. Значит, во мне нет для него места. Я иду. Я – мужчина и могу.

А если это испытание – тем более. Мужчина и воин не имеет права сдаться. Победить собственную слабость и продолжать путь. У меня долг, и я не могу от него отказаться. Мужчина не размышляет о ждущем впереди конце, воин ступает прямо, даже если это дорога к смерти. Уклониться – позор. Сдаться – трусость. Такому не сидеть в чертогах Воина и не возродиться вновь на Земле.

Через два часа нудного топанья в неизвестном направлении Блор обнаружил нависающий над тропой утес. В пещеру он бы не полез. Там чаще всего сыро и

холодно. А еще летучие мыши. Или мыши-кровососы, по ночам прокусывающие мягкие части тела и лица. Такие способны выпустить кровь, а ты и не заметишь.

Он их не боялся: всегда легко предварительно проверить наличие, при помощи огня изгнать, но в голове крепко засела чья-то неприятная байка еще из Храма. Якобы от их помета может приключиться нехорошая болезнь. А лазая по пещере, непременно вляпаешься, сколько ни берегись. Вранье или нет, проверять на себе как-то желания не появилось.

Блор твердо усвоил необходимость следить за здоровьем. Никому нет дела до твоего самочувствия – заботься о нем сам. Мыться важно постоянно. Пить тоже необходимо кипяченую воду, а не из ближайшей лужи или жуя снег. Именно с грязной водой приходит большинство болезней. Так учат в Храме.

Они только забыли подсказать, что высоко в горах вода не хочет нормально кипеть. Никто не смог объяснить, почему так, но и дышать чем выше, тем труднее. Наверное, существуют разные правила для нормальных дорог и путешествий в таких местах, где сплошные пики, уходящие в небо. Вот пусть их и учат горцы. А он как-нибудь в будущем в низине останется.

Утром он злобно решил, что будь настоящим магом – начал бы карьеру с уничтожения гор. Нелегкое занятие, но крайне полезное. Сравнять с землей все вокруг, оставив поля и деревья. Это даже хуже безмолвных северных просторов. Постоянно возвышающиеся над тобой пики давят на плечи тяжким грузом. Нельзя увидеть горизонта. Непонятно даже, когда встает и садится солнце. Будто разом фитиль некто божественный задавил одним движением. Раз – и темнота. Только ветер завывает на манер голодного зверя.

Почти всю ночь он не спал. Шквальный ветер с необычайной силой гнал перед собой снег. А в его столь замечательно предусмотренном природой месте для ночлега постоянно пребывал жуткий сквозняк. Причем порывы оказались так сильны, что снесли палатку. Он специально старался прочно крепить. Не помогло. В общем, тот еще отдых вышел.

Вынужденно поддерживая всю ночь огонь, он в очередной раз ощутил, как кто-то притаился в темноте и пристально следит. Не человек, но нечто опасное. Холодок направленного взгляда он чуял не в первый раз, и приятного в этом очень мало.

Все время настороже, даже проваливаясь иногда в тяжелую дрему, вздергивался и поспешно принимался подбрасывать сучья в огонь. Большого костра не разожжешь – слишком мало топлива, – однако остаться совсем без тепла и отпугивающего зверей огненного щита меньше всего хотелось.

Утром на земле лежал слой снега толщиной в палец, а небо безмятежно чистое и пронзительно синее. И хуже всего – надо было идти. Не поспишь. Похоже, погода окончательно испортилась. Лучше даже жевать на ходу, не останавливаясь, иначе его поход закончится очень плохо. Такие перепады температуры не к добру.

Когда солнце поднялось в зенит, он вышел на склон. Вправо открывался вид на боковое ущелье с острыми скальными вершинами, по которым стекают в долину громадные массы льда и щебня. Красиво, да не в коня корм. Ему бы зелень, а не бесконечно надоевшие непокоренные человеком высоченные скалы, вздымающиеся со всех сторон.

Одно хорошо. Заметно, что отсюда начинается крутое понижение на юг. Еще несколько дней – и он внизу. Конечно, не у моря, но там уже проще намного. Главное, идти и не хныкать.

Предварительно пришлось несколько часов обходить огромную трещину на тропе, и не осталось даже слабой надежды, что он ошибся с той красной скалой. Где-то он свернул не в то ущелье, и неизвестно еще, куда его выведет дорога. Вниз – это понятно. Но есть ли выход? Не так важно. Надо идти. Все время идти.

Единственный путь был отвратителен. Больше всего спуск напоминал сползание в неустойчивой массе песка, глины и камней, упорно уходящей из-под ног. Яки нервно хрюкали, и приходилось заставлять их ударами двигаться. А обойти неприятное место никак не получалось. Рядом был ледник, и по нему идти было много хуже.

Это он уяснил с первой попытки. Ни кусочка гладкой поверхности. Под воздействием солнечных лучей и испарений ледовый склон нашпигован тысячами маленьких ванночек с острыми краями. На ногах у него, к сожалению, отнюдь не костяные копыта. Подошвы сапог такая поверхность изувечит моментально, а запасной пары нет.

Выше раздался непонятный треск. Блор поднял голову и с тупым равнодушием смертника принялся наблюдать, как на него летит огромный валун размером с дом. С оглушительным грохотом камень упал на пару сотен локтей выше на лед. Осколки камней и куски льда выстрелили во все стороны. Блор невольно пригнулся и сел на корточки, закрывая лицо. Яки рванулись, дико воя, совсем уже не по-животному, а будто рыдающие дети, и рванули вниз.

С невероятным скрежетом валун покатился по ледяному желобу на невообразимой скорости. Блор молча ждал своего последнего мгновения и крайне удивился, когда вся несущаяся вниз куча камней, льда и земли промчалась мимо буквально на расстоянии руки. Правда, его пару раз приложило камнями, но синяки не в счет. И забившаяся в рот пыль и грязь – тоже. Подумаешь! Он еще жив!

Яков он нашел достаточно легко. Оба валялись внизу, снесенные лавиной. Вернее, от наиболее паршивого с трудом нашлось торчащее из щебенки копыто. Все остальное завалило огромным слоем льда и камней. Добираться до него требовалось огромное время. К счастью, вторая скотина пострадала меньше. Ее просто здорово достало чем-то тяжелым, так что сломанные ребра торчали наружу. Она глянула на него мутным взором и тоскливо замычала. Не захрюкала.

– Извини, – сказал Блор, неожиданно сорванным голосом. – Не могу помочь. Разве облегчить страдания.

Подождал и не услышал просьбы.

«Я совсем одурел? – подумал без особого удивления. – Нашел с кем беседовать. У кошки и то мозгов заметно больше». Извлек нож и принялся с натугой пилить глотку яку. Пусть получит легкую смерть. А ему все равно придется разделывать. Почти все припасы на первом были. Еда пропала. Муки нет, крупа отсутствует. Дрова, навьюченные в огромном количестве первоначально, почти и так закончились. Как ни экономь, а всю ночь поддерживать огонь не получится. Приходилось ограничиваться готовкой пищи да сухим пометом яков. Теперь оба источника тепла пропали.

Хорошо, одеяло, спальный мешок и палатка сохранились. От фем Кнаута кроме сапог и еще кое-какой мелочи он взял спальник. На гагачьем пуху –

замечательно хранящая тепло вещь в форме человека и жутко дорогая. Зато не замерзнешь и на снегу. Естественно подложив предварительно под себя в виде подстилки. То же одеяло неплохо подойдет. Важно не на камни или землю. Чтобы воздушная прослойка присутствовала.

Хотя тяжелой ткани с собой не взять – сил не хватит. Надо ведь еще сокровища тащить. И еду. И оружие. Он тяжко вздохнул, подвинул ногой полураздавленное при падении ведро под струйку крови. Это тоже пища, и целебная. Сам видел внизу, как местные прокалывали вену якам и пили. Еще и деньги пастухам платили. Вроде как едят на пастбище целебные травы, и кто станет регулярно пить такую кровь – никогда не заболеет. Хуже все равно не будет. Не пропадать же добру.

А вот что делать с основным правилом – груз не должен превышать четверти собственного веса? Так говорили многие. Иначе выдохнешься быстро. Нет выбора. Мяса сколько возможно взять необходимо: голодным тем более долго не протянуть. Еще желательно без костей. Лишний вес. И наиболее важные, питательные куски. Печень съест прямо здесь всю, а со спины нарежет тонких кусков. На холоде они не испортятся. Ничего не поделаешь. Никто пока ему не собирался организовывать бесплатное кормление и носильщиков.

Работы предстоит…

Он опять вздохнул с тоской, осмотрев себя. Грязный, в подпалинах, когда-то красивый приобретенный хозяином для поездки новенький теплый полушубок. Ну, может, не очень красивый, зато удобный и практичный. Капюшон меховой на голову, поверх шапки с меховыми ушами. А вид – хуже некуда. Еще и кровью лесничего заляпан. Сколько ни тер, от следов не избавился.

Ладно, дойти бы, а там можно нормально отстирать. Или выкинуть. В родных местах такая вещь не особо нужна. Там особые холода через год бывают. Когда озеро покрылось льдом, не одни дети, а и взрослые сбежались смотреть. Лед, настоящий холодный лед! Сюда бы их. Навсегда бы излечились радоваться подобным вещам!

Идти было еще долго, и он замычал в такт шагам:

Пусть в роду воинов сын не родится,

Если он чести и мужества не имеет.

Если родится такой, пусть скорее умрет.

Боже, дай счастья тому, кто намерен сражаться…

Под привычные слова идти легче. Главное – правильный ритм.

Глава 4. Горцы

Абала зло осмотрела окружающие привычные и оттого еще более раздражающие скалы – и в очередной раз ударила каблуками по бокам кобылы. Смирная меланхолически прибавила скорость ровно на пять шагов и опять пошла неспешно.

Она вполне соответствовала кличке. Заставить кобылу скакать оказалось абсолютно невозможной задачей. И дело не в возрасте: характер у нее такой. Когда нечто вызывает любопытство, непременно полезет мордой в кусты выяснять подробности совершенно ее не касающегося обстоятельства. А вот для скачек с молодости непригодна. И выспрашивать не требуется. Если кровь не горит, то и правильные предки не помогут. Лошадь должна мечтать нестись с ветром.

Абала была убеждена, что ей старшая по конюшне специально подсунула самую завалящую. Из вредности. Или еще того хуже – Старшая Мама таким неприятным способом решила ее уберечь. Со Смирной свалиться при всем желании не удастся, и ничего не сломаешь.

К ней вообще относились отвратительно. И не надо пытаться заговаривать уши, утверждая всякие глупости о недостаточном возрасте. Почему ей до сих пор не позволяют нормально учиться владеть оружием? Хорошему бойцу важно каждый день не меньше трех часов тренироваться!

Знает она все отговорки наизусть уже давно. Других допускают с этого года. Ну и пусть она младше. Зато старше следующего поколения! Это же издевательство – размахивать клинком сидя на Смирной. Да еще и все обучение

исчерпывается тремя ударами – направо, вниз направо и вниз налево – и четырьмя уколами – вполоборота направо, вполоборота налево, вниз направо и вниз налево.

«За восемь-десять шагов до противника, – скомандовала сама себе, – кисть правой руки с обнаженной саблей отводится к левому плечу, после чего быстрым движением руки с одновременным поворотом корпуса в сторону удара наносится удар на высоте плеча слева направо. Раз! – ничего сложного», – заключила мысленно, представив себе вываливающегося из седла противника.

Понятно, билась не со взрослым и умелым воином. Ну так она и не собирается мчаться в набег или на войну прямо сейчас. Не совсем дурная. Но ведь не учиться – потом поздно станет.

И не надо ей на манер Фулько усталым голосом, предназначенным для молокососов-мальчишек, излагать простые истины на тему: в конном бою в горах практически не дерутся. Чаще всего просто отсутствует возможность развернуться отряду для атаки. А и не нужно. Воины первой шеренги лавы – смертники при сшибке и погибают со страшными ранами.

Всегда начинать с метания стрел. На ближнем расстоянии – дротиков. В семье каждый на счету. Не полезут на штурм, если потери серьезные. Сама все знает. И что ее место всегда будет сзади – тоже. Но оказаться беспомощной, если на тебя выскочит враг?..

Настоящий удар наносится не так. Это для обычных всадников. Любой моментально подставит щит. Правильно бить снизу вверх. Абала много раз наблюдала. Стремена связаны ремнем под корпусом лошади, позволяя всаднику свешиваться вбок чуть ли не до земли. Любой тоже пеший поднимает для прикрытия от выпада оружие. Поэтому показываем начало удара сверху, потом резко свешиваемся с коня и сильным ударом клинка снизу буквально разваливаем противника надвое. У нее пока выходило плохо.

Абала нахмурилась и уставилась на кусок льда у склона в нескольких локтях. Пару секунд ничего не происходило, затем лед раскололся на несколько напоминающих формой наконечники стрел острых кусков. Они неуверенно взлетели, поболтались в воздухе и, повинуясь взмаху руки, метнулись вперед, с треском разлетевшись о противоположную стену ущелья. Смирная недовольно

обернулась и с возмущением заржала.

– Да, я – маг, – без особой гордости заявила Абала, обращаясь к лошади. – И толку?.. Пока я вот так – враг меня на шашлык порежет. И еще вопрос – поможет ли, даже если успею. Пробить куртку не удастся. В лицо попасть надо. А он ждать станет? Ха. Ха.

Кобыла в очередной раз не стала отвечать. К подобным излияниям она была вполне привычна. Когда девочке становилось совсем грустно или требовалось излить обиду, она вечно жаловалось своей доброй четвероногой подружке.

Местные лошади не отличались высоким ростом, зато были неприхотливы в питании, много месяцев содержались на подножном корму и только при подготовке к состязаниям получали зерно. Обладали огромной выносливостью и хорошо ходили по каменистым кручам.

Один недостаток – нормальной речи они не воспринимали. Конечно, можно было при определенном терпении выучить их самым разным вещам, но поддерживать разговор – это не по адресу.

Лошадей горцы все равно любили. Не менее полезный товарищ, чем любое другое домашнее животное. Может, и более. На корове от опасности не умчишься, а яки – тупы, не хуже камней. Общаться с ними нормально получается лишь при помощи тяжелой палки.

Поэтому любой горец с самого мелкого возраста ухаживал за важнейшим в хозяйстве конем. Тщательно чистил скребницей, щеткой и купал по несколько раз в день. А входя в возраст, получал личного, а не старших родственников. И каким воспитаешь, такой и будет.

Еще две весны, а Абала уже принялась подыскивать себе подходящего жеребенка из имеющихся. Смирную оставлять жалко, но ведь они еще долго не расстанутся, а видеться будут и потом.

– И толку, что я маг? – продолжала она жаловаться кобыле, вертя постоянно головой и изучая все вокруг. – Никто не хочет слушать и слышать. Был сигнал! Чтобы мне в пропасть свалиться и ноги переломать! Точно слышала! Для них я – ребенок. Я! – От возмущения она задохнулась. – Да я уже в одиннадцать лет

сильнее всех, кроме Шуши и Висби. Все эти тетки, сестры и прочая мелюзга до моего уровня не поднимутся. Ну, – без особой охоты добавила, – Берзона не хуже. Но она же на пятнадцать весен старше!

Абала прямо задохнулась, представив себя в этом возрасте. Жуть! Старуха – 26. Четверых родила. Нет, решила, обдумав критически, Берзона не хуже. И ближняя семья у нее крепкая. Мужчина вполне подходящий, но нельзя так сравнивать. Она Берзону обязательно нагонит, потому что магия – это не пеленки и детки, а тоже тренировки каждодневные.

Магия, дар Создателя Сущего – в крови. Это талант. Как музыка, которую могут делать немногие. Правила общие для всех, а пальцы или ритм не всякому даются. Никто еще, кроме как в легендах, не сдвинул гор и не поднял мертвого. Есть границы для любой силы. Создатель Сущего – один в своем роде.

Воздвигая сей мир, он был вынужден создавать все из частей собственного тела. Поэтому настолько и разнятся твари, существа и минералы с растениями. Не могут получиться одинаковыми родившиеся из волос или крови. Мы, крато – из важнейшей составляющей: крови! И этим все сказано.

Однако и в ней присутствует разное. Даже по цвету заметно. Венозная и артериальная – разные. Вот капли и дали разные всходы. Или есть талант, или его нет. Со стороны не возьмешь. Но если он присутствует, важно его развивать. Без постоянного усилия не работают мозги и мускулы. Они это… слабыми становятся. Как после болезни. То есть загубить магию легко. Просто пренебречь ее наличием. Или делать, пока тебя заставляют старшие.

А можно отдаться семейным делам. Вроде правильно, но для двух или трех близких. А семья? Никто кроме тебя все одно не виноват в неразвитости таланта. Вот и выходит – и так плохо, и так нехорошо. Где выбор? Ведь когда-нибудь она обязательно встретит подходящего мужчину и захочет от него родить.

Абала без особого темперамента загрустила, рисуя мысленную картинку будущего. Он станет уходить на пастбище или в набег, а она – сидеть и вспоминать. Да еще за детьми следить. Как-то непривлекательно звучит. Опять подчиненность.

Нет, так не пойдет. Она станет величайшим магом не только в семье – это просто. Ведь почуяла же нечто странное. Уже сейчас лучшая. А что не поверили – так умом хуже коз. Даже Шуша не захотела слушать. Ну маленькая она пока, и что с того? Вырастет.

Надо же не только постоянно зудеть, что величайший маг имеет свои слабые стороны и победить его не обязательно способен более сильный и умелый. Даже обычный воин может убить лучшего из лучших, коли тот не бережется. Простой сталью или даже камнем. А уж пришедший из неизвестности маг несет в себе странные умения. Почему они не стали ее слушать? Вот не развернет лошадь, пока не докажет, что права!

Нет, возвращаясь к прежним мыслям, возмутилась, она давно и прекрасно знает, в чем важность магов в бою. Отнюдь не швыряться огнем. Один на один с долинными не справиться. Даже если воин-крато стоит десятка и порубает их как кур. Придут новые. Их слишком много, и они всегда приходят.

За последние триста лет люди снизу четыре раза пробовали семьи на прочность. Обломались. Надумали тоже крепости строить. Империя, понимаешь. Будто они не в курсе насчет дурости императоров. Дороги в горах контролируют крато от начала и до скончания мира. Это их обязанность и право. А кто платить не хочет – мешает паломникам или торговать запрещает, – того род уничтожит.

Дороги и караванные тропы были сердцем гор с незапамятных времен. Огромные хребты, перегораживающие пути, попутно оказались важнейшим перекрестком. Отсюда шли выходцы из Ямы, несущие новые идеи и религии. Болезни и мастерство.

Здесь встречались две цивилизации – Запад и Восток. Горы были буфером, не дающим им схватиться и тратить бессмысленно силы. Они же оказывались коридором, по которому шли товары, идеи и искатели знаний, а также обычные сорвиголовы.

Всех завоевателей и желающих наводить свои порядки крато умыли кровью неоднократно. Кости их так и лежат на дорогах в назидание.

Давно это случилось в последний раз. До ее рождения. Все поселения людские до моря уничтожили. Нет, она не видела. Просто все так говорят, и причины не

верить отсутствуют. Один ошибается. Два, десять, даже семья способна иногда заблуждаться. Все крато – не могут быть неправыми.

Традиции и обычаи не появляются на пустом месте. Даже если они обидны и несправедливы, предки заповедали. Вот и Док так говорит, добавляя, что многие еще и писаны кровью, а не от дури появились.

Правда, он еще не считает правильным тысячелетие заповеди. Мол, со временем жизнь меняется. Нельзя застывать в жестких рамках. Не дай Создатель Сущего опять горы сдвинутся или климат изменится!

Ну, это лучше с остальными не обсуждать. Человек из долин, одно слово. Чуждые идеи. Абала достаточно соображает, чтобы решить, что выносить на общее обсуждение. Пока ничего ужасного не происходит, лучше не нарушать обычаев. Целее будешь.

А в таких магах, как она, род нуждается, подумала с гордостью. Док достаточно рассказывал для понимания, почему снизу всегда будут приходить и отчего нас боятся. Потому что их много, а нас мало. И здесь спасение в магах. Один воин-крато опасен. Армия охранителей дорог, куда каждая семья отправляет нескольких своих членов (один на двадцатку), не просто опасна – непобедима.

Маг объединяет крато в отряд. Связь эта позволяет очень многое. Не читать мысли друг друга. Стать просто одним целым. Каждый как палец на руке, которому ничего объяснять не требуется. Все получают чужие навыки, включенные в круг.

Если один умеет фехтовать, то это получат все. Если маговать – опять любой. Знания и умения не складываются: умножаются. Чем больше крато, тем сильнее они во всех отношениях. Мгновенная реакция, бойцы высшего уровня и маги одновременно. Кто устоит? То-то и оно, нет таких в мире. Сотня разгонит тысячу практически без потерь. Тысяча пройдет через континент. Нет у крато соперников!

Если не знать маленькой детали. После выхода из круга чужие навыки исчезают. Остается твое и память о происшедшем. И между прочим, проделать соединение достаточно нелегко. Надо приспособиться к чужому мозгу и не сбить нормальных настроек и рефлексов. А то недолго получить вместо грозного воина

или мага – беспомощно ворочающегося на земле калеку. А она уже может! Она станет Великим Магом! Об Абале из семьи Трикатен из рода Омоде в долине Эрмес будут рассказывать у всех очагов крато вечерами!

Абала привстала в стременах, глядя вперед. Положительно то пятно – не сланец. Слишком правильная форма. И ноги. Точно!

– Гей! – закричала обрадованно, посылая Смирную вперед.

Для разнообразия кобыла послушалась. Она всегда улавливала настроение хозяйки. До сих пор та понемногу впадала в уныние. Уже темнеет, а результата разведки без спроса нет. Возвращение ожидалось крайне неприятным. Одними нравоучениями в данной ситуации не отделаешься.

Это себя можно уверять в величии. Старшие быстро по заднице надают и найдут неприятное наказание за нахальство и непослушание. Та же Шуша не просто огреет чем попало, но пошлет в кладовую перебирать зерно или еще какой нудностью заниматься. И не откажешься. А уж прогулкам без разрешения надолго конец.

Уже вблизи Абала твердо уверилась – нашла – и соскочила на ходу, не останавливаясь. Ничего особенного. Гордиться нечем. Со Смирной разве младенец не сумеет. Вот на бешеном аллюре – это другое дело.

– Человек! – удивилась, рассмотрев вблизи. Откуда он тут взялся и что пытался передать?

Тронула пальцем щеку – холодная. Тем не менее, не мертвый, уверилась, определив дыхание. Интереснейшая загадка. Развязала для начала длинный сверток, лежащий рядом, и обнаружила старинное оружие. Не сталь привычная, бронза вроде. Никто такого не делает, а форма как у нормального клинка. Примерилась и увидела вполне ожидаемое. Не для ее роста и вообще излишне длинен.

Величина клинка определяется просто: сидя верхом и подняв правую руку с оружием над головой, ты закрываешь слева все тело до седла. А попутно – чтобы можно было достать лежащего на земле человека. Длиннее неудобно. Мешает скорости выполнения приемов. На глаз – и этому не пойдет. В два с

лишним локтя оружие рассчитано на великана. Еще и материал неподходящий.

«Зачем тащил?» – удивилась мимоходом, развязывая шнурки на мешке. Полезла внутрь – опять невразумительные тряпки. Что прячет?

Через плечо заглянула любопытная морда кобылы. Смирная пыталась выяснить, нет ли чего в мешке вкусненького. Человек ее не заинтересовал. Видела и раньше.

Абала отпихнула ее и нетерпеливо освободила предмет от оберток. Уставилась, замерев в восхищении, на сделанную из золота маску. А это не людская работа и очень старая, сделала вывод, осмотрев ее со всех сторон. Глянула на первый попавшийся мешочек и обнаружила очень знакомые амулеты. Не по исполнению. Мотивы.

Неужели крато сделали? Тогда это незнакомая ей семья. У соседей нет такого мастера. Клеймо отсутствует. Да и не касались ничьи руки этих вещей. Люди не в счет. Откуда же он пришел? Куда шел? Кому сигнал подавал? А, какое мне дело. Не бросать же на снегу.

Она цокнула языком, отдавая приказ. Смирная посмотрела с откровенным недовольством. Что такое помогать раненому, она прекрасно знала, но одно дело нести невесомую девочку – и совсем иное здорового и тяжелого человека. Абала повторно цокнула, отдавая приказ. Кобыла душераздирающе вздохнула, скосилась на реакцию и, не дождавшись жалости, с демонстративным кряхтением опустилась на брюхо.

Теперь начиналось самое неприятное. Человек был раза в два ее тяжелее, и затаскивать его даже на лежащую рядом лошадь не так просто. На всякий случай пнула носком сапога под ребро – вдруг очнется и сам сможет. Даже не дернулся.

Надо спасать. Еще немного – и совсем скончается. Слегка подбавила ему жизненной энергии, но не слишком. Лечить надо в другой обстановке. И нет уверенности, что ее методы подойдут. Надо расспросить подробно Шушу и Дока. Раньше как-то не требовалось.

Напрягаясь, она потащила юношу наверх и перевалила через седло. Отдуваясь, постояла. Опять цокнула.

Смирная поднялась, получив команду, и слегка встряхнула груз, чтобы он лег удобнее. Пришлось поддержать, а то бы запросто свалился. Ну ничего, лошадка у нее умная, и сейчас ее неспешный шаг даже полезен, решила Абала, привязывая безвольное тело со всех сторон.

Добавила наверх мешок с ценностями – вот идиот, золото несет, а еда отсутствует. Отерла трудовой пот и потянула Смирную за повод. Теперь можно и домой. Она всем докажет!

Три часа спустя она совсем уже не была уверена в правильности своего поступка. Вместо похвалы вокруг собралось все семейство. Если не считать перешептывающихся детей, наблюдали за прибытием в полном молчании, в котором читалось осуждение.

Общее мнение выразил старший из воинов Локум, откровенно кривясь:

– Зачем привезла?

– Нельзя бросать на смерть путника, – ответила она прочно затверженной мудростью.

– Чужак!

– Где в словах мудрости есть упоминание, что спасать надо только своих? – спросила Абала, подпустив в голос яду.

Локум никогда ей не нравился, как и она ему. Трогать он ее не трогал, но отношение чувствовала. Этот вечный взгляд, будто кислого наелся. Очень хотелось иногда дать по лбу. Нельзя. И не получится, и лезть к старшему – нарваться на побои и оскорбления. Он всегда призывал соблюдать традиции, как же не подколоть?

– А мозги для чего дадены? – брюзгливо спросил он.

– Кормить его еще, – сказал чей-то голос.

– Девчонка. Совсем не думает.

– Может, за ним погоня или еще что?

– Не наш!

– Вот цена его жизни! – гордо сказала Абала, выкладывая мощный козырь перед всеми в виде золотой маски. – И еще есть!

– Покажи! – попросили сзади.

– В руки дай!

В воздухе повисло всем знакомое: половина найденного принадлежит счастливцу, вторая – семье. Но это ничейный клад. А так всего по четверти. Остальное придется вернуть.

– Вот и подождала бы, пока помрет, – грубо заявил Локум.

– Вот в другой раз твоей смерти и подождет! – гневно заявила Старшая Мать. – Твоя тупая башка крепче камня. Чего удумал!

Воин что-то буркнул, но возражать не посмел.

– Нет, – в голос продолжала Старшая Мать для всех, – призывать запятнать честь! Ребенка! Нарушить кратовали – кодекс права нашего народа! Уйди, животное, с глаз долой!

Локум молча развернулся и, распихивая собравшихся, двинулся отсюда. Абала невольно поежилась. Конечно, приятно, что Старшая Мать за нее заступилась. Такое не столь часто случается. Обычно на мелкие склоки она внимания не обращает. Старенькая уже. Но ведь Локум потом на Абале непременно отыграется. Он такой. Злопамятный. И совсем не тупой. Найдет возможность придраться. Абсолютно правильную.

– Все, все, – объявила Старшая Мать. – Расходимся. Неужели дел нет? Вечером обсудим и всем покажем находки.

– И этого тоже? – ехидно крикнула Адзеле. Ей вечно больше всех надо. На молодых действует. Самая бойкая из своего поколения, а на лицо не очень. Вот и старается, внимание привлекает.

– Я тебя за него замуж отдам, если ума не наберешься, – пообещала Старшая Мать.

– Она уже молчит, – крикнули сразу несколько голосов со смехом.

– Молчите и идите! Сами разберемся. Шуша, Висби, Берзона, Руп, Гросс, – назвала она лучших магов. – И ты, – поманила стоящего в отдалении Дока. Раньше он на глаза не лез, прячась за спинами. – Я что-то чую, – сказала Старшая Мать негромко, – но не совсем ясно. Может, вы?

Маги поделились, внимательно изучая добычу. Двое вытряхнули все из мешка, положили оружие для изучения.

– Это бронза? – удивленно спросил Руп.

Меч в его руках пружинил и сгибался, да и цвет желто-золотистый.

– Есть такой рецепт старинный, – небрежно поставила его в известность Старшая Мама. – Растолченный аквамарин, еще кое-какие добавки в расплавленную бронзу. Ее потом можно закалять, тогда как обычная бронза закалке не поддается.

– А почему не используют?

– Железо дешевле.

– На вещах ничего нет, – после совещания твердо заявила Висби. – Старинные цацки, красивые, но пусто. Кровь недавняя, руки людские. Все. Можно пользоваться. А вот с ним… – она с сомнением посмотрела на человека. – Есть след. Не вижу чего. Первый раз подобное.

Шуша походила на пару с Рупом, почти тыкаясь носом в человека, и они переглянулись.

– Не он, – уверенно сказал мужчина. – Что-то на нем.

Шуша показала пальцем на пояс:

– Дубинка.

Развернулась и зашипев, влепила Абале жесткую оплеуху. С девочки слетела шапка, а на глаза невольно навернулись слезы.

– Девчонка! Дура! Куда смотрела!

С каждым выкриком очередная затрещина. Девочка терпела.

Действительно могла привести в семью несчастье. Болезнь. Но ведь она проверяла! Истощение, голод. Все. Нет заразы! Оправдываться не имело смысла. Все равно слушать не станут.

– Не в целях защиты, а исключительно ради справедливости, – откашлявшись подала голос самая рассудительная и спокойная из всей компании Висби, – я тоже не уловила. Смерть все заглушает. В крови он, что ли, купался? – Она наморщила нос брезгливо. – Все вонь Уносящего Душу забивает. Надеюсь, мои умения не ставятся под сомнения?

В воздухе повисло явное напряжение. Первая и вторая по рангу мерили друг друга взглядами ядовитых змей. Абала мысленно обратилась за помощью к Создателю Сущего. Ведь повторяется ситуация с Локумом! Кто бы ни победил, а она крайняя!

– Делом надо заниматься, – с нажимом сказала Старшая Мать. – Подойди! – приказала, обращаясь к Доку. – Возьми, – показала на засунутую за пояс человека дубинку.

Доку это не понравилось, Абала сразу учуяла, но возражать он не посмел. С невозмутимой мордой (уж различать выражение его лица она давно научилась) великовозрастный ученик поднял палку.

– Странно, – произнес он жестами, – с виду гладкая, а я чувствую резьбу.

– Нить от нее идет к человеку, – в глубокой задумчивости прошептала Шуша. – Нельзя забирать – они связаны. А оборвать…

– Обрезанная натянутая веревка может хлестнуть и по владельцу ножа, – понимающе сказала Старшая Мать. – Висби?

– Не надо пока делать резких движений. Пусть вернет назад.

– Берзона?

– Отдайте его Доку. Выживет – расспросим. А я покопаюсь в старых свитках. Что-то читала о такой вот маске.

– Руп?

– Девочка поступила правильно, – покачав головой, сказал тот, – но глупо. Чтобы в другой раз хорошо думала – пусть сама и занимается этим типом. Вытащит его с порога смерти – молодец.

А нет – так пусть гнев черных сил на мою шею и обрушится, минуя остальную семью, мысленно дополнила невысказанное Абала. У, падальщик паршивый! Чего я тебе плохого сделала? Меня такому не учили! Гадина!

– Гросс?

– Я согласен со сказанным, – ответил вечный миротворец семьи.

– Да будет так! – торжественно объявила Старшая Мать. – Забирай! – показала на Дока. – Остальные могут идти. А ты, – уже Абале, – запомни! Кому много дано, с того много и спросится. Кроме обычных уроков и занятий, будешь возиться с ним, пока он здесь. И наказание получишь потом. По результатам. Ясно?

– Да, Мама, – послушно ответила Абала.

Сегодня у нее будет тяжелый день. И завтра. И неизвестно сколько еще впереди. Придется не просто лечить, а еще и правильно воспитывать. И все равно она всем показала! А эти… нельзя найти сокровище без труда, все об этом в курсе. И веры в свою правоту терять нельзя, даже если тяжело и трудно. Она правильно поступила!

Глава 5. Псоголовые

Блор с трудом разлепил глаза и в недоумении уставился на обстановку. Похоже, как ни странно, не умер. На престол Верховного Судии ничуть не смахивает. Ни очереди, ни моста из мечей, ни свидетелей из раньше померших. Перейти через замерзшие пространства не требуется. Это удачно. Уже вволю по льдам потоптался и без того.

Он находился в маленькой комнате. Половину помещения занимала огромная печь. Возле нее стоял солидных размеров ящик, заполненный черным горючим камнем. Приходилось раньше видеть. Из небольшого круглого окна, закрытого стеклом, в специальной деревянной раме под потолком падал солнечный свет.

Закрыть окно такого размера в стекло, в горах? Вещь наверняка неимоверно дорогая. Хотя нет. Это же слюда. Стекло таким чистым не бывает да и искажает почти всегда. Все равно на дороге не валяется. И при этом убогая утварь.

Судя по лучам света, поздний вечер. Или раннее утро. Память молчала. В комнате кроме кровати, на которой он сидел, подозрительно четырехногой табуретки (где это видано – мебель не на трех?) и пустого, опять же о четырех ножках, стола, места было ровно столько, чтобы, не цепляясь, дойти до двери. Еще сундучок в углу да чьи-то вещи развешаны на прикрепленных к стене оленьих рогах. Или это не олень? Вон куча отростков. Да какая разница!

Помещение – это люди. Как он сюда попал? Ничего не вспоминается. Голый, только кольцо фем Кнаута на цепочке по-прежнему на шее. Значит, не ограбили. Оно золотое, старинное и знак положения. Печать хозяина. Само по себе вещь

непростая.

Так… Он жутко устал, замерз и чувствовал себя неважно. Решил немного отдохнуть в тени очередной скальной глыбы. Не помогло. Его трясло, будто в лихорадке. И тогда он двинулся дальше. Еле хватало сил волочить ноги в глубоком снегу. Каждый раз еле-еле вытаскивал ногу из бесконечных сугробов. Через каждую сотню локтей расстояния ложился плашмя, чтобы немного отдышаться. Пользы нет, и после этого чувствовал себя еще отвратительнее. Глаза страшно болят от сверкания белизны.

В какой-то момент он не выдержал. Отчетливо осознал: это конец. Еще сутки – и он просто окочурится прямо здесь. Сдохнет от въевшегося в кости холода. А через пару столетий тело, вмерзшее в лед на манер мошки в янтаре, обнаружат и будут с любопытством разглядывать. Обсуждая, тыкать пальцами в заледеневшие члены, выламывать куски инструментами, и уж наверняка обшарят, забирая так и не брошенный мешок с драгоценностями покойника. Надо было избавиться от него еще возле погибших яков и взять дополнительно мясо. Алчность до добра не доводит? Но он же не для себя нес!

И приняв это, он опять воззвал к Воину. Даже порезал ладонь и уронил на снег кровь, для лучшего привлечения внимания. Собственная кровь – не жертвенного животного. Не просто меч, а кинжал Мага. И тогда это случилось вторично. Тело стояло на дрожащих руках, воздев руки вверх. В одной – кривой бронзовый клинок, со второй – продолжает капать кровь в жадно принимающий ее снег. А сам он висел над головой замершей внизу человеческой фигурки.

Мысленно скомандовал и поднялся выше, осматриваясь вокруг. С неприятным холодком в отсутствующей груди обнаружил знакомую тварь, сидящую на гребне и внимательно наблюдающую за ним. Судя по положению головы, она его прекрасно видела. И в телесном виде, и в этом воздушном, когда завис в воздухе. Морда сразу повернулась к нему, и из открытой пасти вывалился длинный красный язык. Будто насмехается. Такая неприятная ухмылка на роже. Не животная мимика.

Блор был уверен, что видел его и раньше, возле яков, когда оглянулся, начиная очередной спуск. Расстояние не позволяло рассмотреть подробности, но сидевший открыто зверь ничем иным просто не мог быть. Уж пищи там точно несколько пудов осталось. Он вырезал лишь немного в сравнении с общей массой погибшей коровы.

Но какого Хлада он шел сзади? Мало того что в долине остались другие яки и не мог он их всех с такой скоростью сожрать (или мог?) – так ведь не пытался все это время догнать. Шел спокойно сзади. Не нападал. Вот и сейчас вместо атаки чего-то ждал. Одно слово – тварь. Ни один нормальный хищник так себя вести не станет.

Недовольно отстранился, временно выбросив из мыслей. Не атакует – и ладно. Пусть идет, какая разница. Потянулся еще выше. С противнейшим ощущением обнаружил, куда ведет его дорога. К огромной трещине. Не с его нынешним здоровьем прыгать через пропасть. Она лишь с виду выглядит неширокой. Зато глубокой до ужаса. И падать вниз придется долго. Правда, в конце уж точно не станешь мучиться от переломов. В результате падения останется нечто вроде желе. Кости раздробятся в пыль. Он проследил за обходом в обе стороны. Можно, хотя опять придется подниматься. Гребни вполне проходимы в обе стороны. Но идти-то куда?

Он метнулся вперед, совершено не задумываясь, как это происходит. Просто захотел и сдвинулся. Хорошо бы так в нормальном теле, мельком подумал, перенестись, не затрачивая сил. Глупости. Такое и про великих магов прошлого не рассказывали.

Осмотрел внимательно окрестности и остался разочарован. Опять ледяная пустыня. Переместился налево и за гребнем с замиранием сердца обнаружил след. Здесь шел не так давно караван. Блор помчался, будто волк на запах дичи. Со своей высоты он прекрасно видел – где ступала нога человека, где вьючных животных. Там шерсть зацепилась, здесь обрывок материи остался.

Изучать подробности его не тянуло. Важно держать след. Хвала Воину, это оказалось не особо сложно. Уж они обязаны знать, куда идут, и вряд ли сильно далеко. Поздняя осень – не время для бессмысленных гуляний по горам. Потом дикие бесплодные скалы уступили место небольшой долине, зажатой среди гор. И там были дома. Каменные башни, в несколько этажей. То, что надо! Люди! И не очень далеко. Два-три дня пути. Столько он еще протянет. Прошагает через силу.

Главное – не забыть подробностей. Спуск достаточно труден на протяжении почти двадцати лиг, но это приблизительно. Потом поворот в ущелье возле приметного камня на тонкой ножке. Еще не меньше десятка лиг дополнительно.

Оба ущелья чрезвычайно узки, и тропинка слабо заметна, а повсюду осколки камней и валуны, затрудняющие переход…

Вот кто-то идет, услышал под окном, отвлекаясь от воспоминаний. Явно направляются сюда. Блор поспешно содрал с кровати покрывало и закутался в него. Неизвестный доброхот, устраивая его сюда, попутно раздел полностью. Не очень приятно встречать посетителя в голом виде. Дверь распахнулась, и в комнату вошел…

Видимо, это и есть псоголовые, с опаской подумал, внимательно изучая фигуру в дверях. Рост у хозяина, а кто он еще может быть, оказался заметно ниже среднего, но еще и пропорции тела какие-то странные. Очень длинные руки, короткие ноги и широкая грудь. А морда совсем на собачью не походила, в отличие от прозвания. Скорее на мартышку. Видел он таких, привезенных с юга. Понятно, та много меньше размер имеет, но такие же будто издевательски преувеличенные человеческие черты.

Слишком вытянутые вперед кости физиономии, широкий нос, оттопыренные уши, и весь шерстью покрыт. На нем не видно, вполне нормально одет в рубаху, в брюках и мягких сапогах, но где руки, лицо и шея открыты – сразу заметно: зарос сплошь. А вот красивый подбитый множеством заклепок ремень наверняка что-то должен был означать. Как и большая вышитая эмблема на груди.

Знает он такие фокусы – каждый цвет и фигура означают нечто важное. У горцев-людей тоже на рубахах вышивка четко определенная. За чужую и убить могут. А знаки эти понимающему подробно излагают происхождение и положение в роду. Натуральный герб по виду.

Во всяком случае, явно свободный, даром что принес котелок. Нож солидных размеров достаточно недвусмысленно об этом сообщал. Очень неприятного вида нож с изогнутым лезвием.

Конечно, лезвие лучше бы рассмотреть в обнаженном виде, а то очень уж характерный профиль у данного экземпляра в ножнах. Точно как извлеченные им из могилы. Наверняка заточка по внутренней грани. Это хорошо или плохо? Вещи у них. Скажут, у родственника спер. Да не, откуда. Не делают даже в горах из бронзы. Давно все железом пользуются.

Человек-мартышка поставил на стол посудину, извлек из кармана собственную ложку Блора и его же нож и кинул на стол. Приглашение достаточно явное. И оружие не боятся оставлять. И давать в руки тоже. Хороший признак.

– Спасибо, – сказал отчетливо.

Тип жутко оскалился, продемонстрировав неприятные клыки величиной с мизинец, и кивнул. Такими, пожалуй, и волка покусать удастся. Если нарвешься без оружия. О! Мрак. Да это же ребенок! Точно-точно. Поэтому маленький. Совсем замечательно. Не камера. Кто же в нее дитятю пустит.

– А одежда моя где?

Он разразился самым натуральным собачьим лаем, навсегда объяснив Блору, откуда взялось название для этого народа. Хав-хав-хав – и жест вбок. На тот самый грубо сколоченный табурет. Действительно, каким местом думал. Под холщовой тканью все его одежки.

– Спасибо, – сказал вторично, на всякий случай, уже в спину. От него не убудет, а этот вроде понимает, хоть и гавкает. Рукой отмахнулся вполне знакомо. Ничего, мол. И опять пролаял нечто, показав на стол. Фраза совершенно не нуждалась в переводчике. Он произнес что-то вроде «Давай, парень, жри».

Блор поспешно соскочил с кровати и принялся натягивать на себя знакомые вещи. Ко всему еще и постиранные. Сухие. Выходит, валялся он здесь добрые сутки как минимум. Но что странно, ничего не болит. Обмороженные пальцы нормально слушаются. Синяки, он покосился на бок, стали бледными. Может, больше, чем день? Он задумался. Не все вроде отшибло.

Сначала ощущение, что куда-то несут. Соображалка совсем не работает, но почему-то четкое впечатление, что руки волосатые. Качает, как на корабле. Поят, даже вроде подтирают. Похоже, что он делал под себя. Не очень-то приятное воспоминание. И запах знакомый. Поэтому и реакция такая слабая, что-то подсознательно запомнил.

Ведь с перепугу от такого зрелища, как псоголовый, можно и заикой стать. Внизу о них рассказывали страшилки. Он еще в детстве наслушался: «Не станешь слушаться – придет человекопес и заберет». Зачем – и так всем ясно. На

котлеты пустит.

Ну, обрадовался всерьез, обнаружив под крышкой хорошо знакомую пшеничную кашу, щедро сдобренную жиром, и ту самую котлету. Не иначе кого уже пустили на мясо. Сейчас он бы с удовольствием слопал что угодно. Изголодаться всерьез не успел, но живот подтянуло, и при виде свежей пищи тот принялся исполнять музыкальные рулады.

Разрезал ножом котлету и озадаченно уставился на внутренность. Там все было забито какой-то зеленью, и на запах свежей. Котлетой данная вещь являлась разве с виду. Где они берут овощи поздней осенью высоко в горах?

Честно говоря, ногтей внутри он не ожидал увидеть: все-таки не очень верил в сказки. Его же потрошить не стали, а прочих людей во всей округе долго-долго искать придется. В земли псоголовых редко случайно забредают. Не любят они человеков. Насколько обоснованно – не ему судить, но разговоров он наслушался в дороге предостаточно. Правда, чем ближе к здешним местам, тем более странное отношение у людей. Боятся, но и уважают.

По наиболее распространенному мнению, здешние обитатели все еще не вышли из первобытного грубого состоянии. Нравы их находятся на степени полудикости. Жестокость, недоверчивость и мщение составляют преобладающий элемент в характере. Достаточно заблудиться и влезть без спроса в их земли, чтобы остаться без головы. И если псоголового обидели на одном конце хребта, недолго быть ограбленным на другом.

Они не различают правого и виноватого, а убивают всех людей подряд. И частенько крайне жестоко. Короче, держись подальше – целее будешь. Ну ему поздно дергаться. Пришел. На кол без разговоров не посадили, как об этом красочно живописуют на реке. Уже замечательно.

Вообще у диких народов, если накормили, убивать не принято. Закон гостеприимства, ага. Все общество откажется от не исполняющего обычаи. Даже вор и убийца, постучавший в дверь, становится неприкосновенным, и хозяин обязан его защищать. Вообще чушь… гм… собачья. Но ему в данном случае выгодная. Можно ли отнести псоголовых к дикарям? Вроде да, но они же не люди… Задачка…

Дверь распахнулась, и они вошли. Очередной псоголовый и совершенно нормальный с виду человек. На вид лет тридцать, крепко сложенный. Серые внимательные глаза, темные короткостриженые волосы, гладко выбрит и одет в том же стиле, что и посетители. Даже эмблема на груди присутствует. На горца не похож. Скорее южанин из столичных краев. Там давно все перемешались. Одно слово – имперцы.

Мартышка была женского пола. То есть не сказать, что с виду чем-то заметно отличалась от предыдущего экземпляра. Нет заметно меньшего роста или еще каких явных признаков. Грудь точно не выпирает. В штанах и полушубке поверх рубахи, но непонятно откуда пришла уверенность – самка.

Любой же отличит бабу, пусть и нарядись она в мужские портки. Черты лица, движения. Хм… лицо. Тут откровенная морда. Узенькие маленькие глазки, широкие, на манер толстой волосатой гусеницы, брови. И приплюснутый нос, нервно подергивающийся. Ну натурально обезьяна. А одели в людское для смеха.

– Хав, хав, – издала она звуки, приложив руку к сердцу. Ну к той стороне, где оно у человека находится.

– Будь свободным! – произнес человек с еле ощутимым акцентом. С юга. Не здешний.

– Э… и вам того же.

– Правильно, – одобрил тот, – это приветствие. Вроде нашего «здравствуй». Что в переводе означает пожелание здоровья.

Обезьянка нетерпеливо залаяла. Ей явно не понравились многословные объяснения.

– Хорошо, – согласился в ее сторону человек. – Меня зовут Док, ее – Шуша.

Вопросительный взгляд.

– Блор фем Грай, – догадливо представился парень. В душе он порадовался. В точку попал. «Ее». Самка.

– Она неплохо понимает имперское наречие, но говорить сложно. Глотка не так устроена. Поэтому я кое-что объясню.

– Гав, гав.

– Кратко, – вздохнув, сказал Док. – Насколько возможно. Тебя подобрали трое суток назад прямо у долины.

Видимо, в выражении лица Блора нечто мелькнуло, как он ни старался держать невозмутимый вид.

– Да, да. Тому уже много времени минуло. Сейчас не суть. Тут дело такое: чужака могли и бросить помирать на снегу. Ты здешним – никто. Еще и вещички прибрали бы. Сам понимаешь, кроме связанных договорами горных кланов, они людей не любят и плохо терпят чужаков.

Значит, про закон гостеприимства не слышали, без особого удивления отметил Блор. Не дикари. Цивилизованные. Гораздо хуже.

– У живого-то забирать запрещено без веской причины, – продолжал Док. – Но тут появилась маленькая загвоздка. На тебе печать бога.

– А?

– Ну, можно назвать ее отметиной, а можно знаком или отпечатком.

– Гав, гав, гав, – разразилась псоголовая.

Он сделал несколько жестов руками. Получил очередной лай в ответ.

– Очень сложный язык. Мало того что легко недопонять сказанное, так еще несколько смыслов в одном слове, – рассудительно поведал переводчик. – Хотя случается, все напротив – излишне образно. Отец – звучит как «взявший на руки». Горы – «большие холодные камни». Красивый – «сладкокровный».

– Чего?

– Она говорит, – пояснил, прервав излишне умные объяснения, – я плохо перевожу: на тебе лежит проклятье.

– Что? – враз осипшим голосом переспросил Блор.

– Это тоже нехорошее слово. Тебя коснулся бог, но это не означает нечто хорошее или, наоборот, плохое. Они, – он дернул головой, показывая вверх, – ведут себя иногда… э… странно. Развлекаются за наш счет. Ты знаешь притчу о сироте?

– Убийца вытер окровавленную руку о голову ребенка, а тот решил, что его ласкают?

– Именно. И Верховный Судия, взвешивая прегрешения после смерти, простил убийцу за радость, подаренную сироте. А вот горе семьи убитого осталось без ответа.

– А? – вновь не понял Блор. – К чему это?

– Ладно. Это потом. На тебе след, и необходимо выяснить, откуда он взялся и чем грозит. Тебе, окружающим.

– Случайно, в зависимости от сказанного, меня не прибьют?

– Иногда лучше быстрая смерть, чем блуждать по снегу.

Соглашаться не тянуло, хотя доля истины в словах присутствовала. Но это когда лично тебя не касается.

– Поэтому не стоит врать. Она все одно поймет.

Не обязательно врать, можно ведь просто без подробностей, мелькнуло в голове у Блора. Умолчание – вещь хорошо знакомая и привычная. Сам рта не откроешь – лишний раз по заднице не получишь. Начальству все сообщать вредно для

здоровья.

Тут Шуша нетерпеливо оттерла переводчика и, больно взяв Блора за кончик носа длинными пальцами, потянула его голову вниз. Он невольно наклонился и уставился в небольшие карие глазки. Сначала это было даже смешно – в гляделки вздумала баловаться. А потом он почувствовал, как его затягивает внутрь. Ощущения оказались сродни полетам, когда он возвращался в собственное тело. Но там все происходило по его желанию. А здесь он проваливался в черную воронку и остановить это был не способен. Даже шевелиться.

И он точно знал – сейчас проклятая обезьяна внимательно ковыряется в его воспоминаниях. Далеко не все из них он был готов вот так выставлять напоказ. Всегда есть вещи, которых стыдишься, или дорогие лично тебе. Не для публичного обсуждения. Воспоминание о матери, о сестренке. Он их ни с кем не обсуждал и не находил нужным изливаться в исповеди проклятой макаке. Застыл, будто замороженный, а липкие противные пальцы продолжали ковыряться в мозгу, перебирая его память. Ко всему еще голова болела, и чем дальше, тем серьезнее.

Иногда она задавала вопросы, и он послушно принимался отвечать. Язык работал без малейшего участия воли или головы. Выкладывал без задержки всевозможные детали очень подробно. Несколько фраз – и его обрывали на полуслове. Шуша получала желаемое и принималась искать нечто ей интересное дальше. Больше всего ее интересовало случившееся в лагере. Подробности.

Сколько прошло времени, он не знал, казалось – годы, и вдруг отпустило. Невольно отшатнулся назад. Получив по коленкам ребром кровати, плюхнулся на нее. Сидеть оказалось неожиданно мягко и приятно. Вставать желания не приходило. Хватит, поприветствовал и такой неприятный результат.

– Ну ты и баран, – с каким-то детским изумлением сообщила Шуша. При этом она вовсе не перешла на изысканную речь и не превратилась в человека. Как была обезьяной, лающей по-собачьи, так и осталось. Тем не менее, он прекрасно понял смысл очередного гавканья.

– Представляешь, – сказала она Доку, – залазит в могилу к Господину Недр, берет кнут, мажет его кровью, затем кормежку слуге устраивает и еще

удивляется – чего это демон казни за ним сзади вышагивает.

– Я ничего не мазал! – возмутился Блор.

– А я в первый раз слышу про демона, – сообщил Док.

– И никакого кнута в руки не брал.

– Ну как же не делал, – очень по-человечески пожала она плечами, продолжая нервно лаять, – а палка такая деревянная, что за поясом была. Или не прихватил из саркофага? Рукой порезанной лапал рукоятку, изображение пачкал.

– А кнут при чем? Я что, кнута не видел?

– А это он и есть. Только кнут не обычного табунщика, а Господина Недр. Для людей. И он теперь твой.

– А? – переспросил Блор, пытаясь хоть что-то понять в происходящем. Не нравилась ему эта ситуация. Если некая вещь действительно важна, то и отобрать желающих масса. За кусок хлеба, бывает, люди ближнего и случайного удавят, а здесь…

– Надо вернуть демона на место и научить с ним обращаться, – вроде как посоветовал Док.

– Да не надо мне никаких демонов, – поспешно заверил парень. – Можете забрать. Я не просил ничего такого.

– Чудеса искать бесполезно. Они приходят без спроса. Сами, – пробурчал Док.

– Нельзя отказаться от полученного, – торжественно заявила Шуша. – Не нам спорить с прежним хозяином. Хорошая шутка, – показывая клыки в том, что видимо являлось улыбкой, сказала псоголовая и, не прощаясь, вышла.

– Голова болит? – поинтересовался Док, наклоняясь и открывая тот самый сундучок в углу, куда Блор не удосужился заглянуть.

– Да.

– Сейчас дам подходящее лекарство, – извлекая маленький каменный сосуд с плотно закрытой крышкой, пообещал тот. – Я, собственно, целитель. Так что пей и не бойся.

– Я ничего не боюсь! – вспыхнул Блор.

– Да уж слышал, – со странной интонацией сказал Док, наливая в кружку на столе. Посмотрел внимательно на количество и капнул осторожно еще пару капель. – Пей!

Парень с подозрением уставился на мутную жидкость и обреченно глотнул. Со средствами целителей он был слегка знаком, и ожидания вполне оправдались. Вкус оказался абсолютно мерзостным, напоминающим овечье дерьмо. Сам он отроду не пробовал ничего подобного и в дальнейшем не собирался, но именно так говаривал Карион, пробуя очередную неизвестно сколько пролежавшую гадость, которую им скармливали в школе. Наверное, в курсе, раз уверенно утверждал.

– А я теперь, – моргая, чтобы избавиться от выступивших слез, произнес в нос, – буду понимать сказанное этими?

– К сожалению, нет. Остаточные явления магической проверки. Постепенно уйдет. Иногда в дальнейшем общий смысл уловишь, но без подробностей. Пару дней еще полностью разбирать кратау сможешь.

– Чего?

– Язык так называется. На котором псоголовые общаются. Они же не называют себя так.

– А как?

– Крато. Что в переводе означает «люди».

Блор невольно поперхнулся от смеха.

– И ничего странного. Каждый считает свой народ единственно нормальным. Варвары, имперцы, жители вассальных стран, кочевники, дикари, горцы. Они правильные – все остальные нет. Только у них одних нормальные обычаи и традиции.

– Да, – согласился Блор после раздумья. – Но ведь так и есть для себя.

– И?

– Но они же другие!

– А для них – мы иные. Неправильные. Это же не в буквальном смысле они говорят: «Я – человек». Он произносит: «Я – крато». Пятый год здесь, – сказал после короткой паузы, – и пытаюсь в них разобраться. Как смотрят, думают и почему ведут себя так, а не иначе. Объяснить поведение. Слишком часто льется кровь не из-за серьезных причин, а от обычного недопонимания. Обязательно напишу книгу. Если не все, так ученые обязаны представлять, с кем имеют дело.

– Надеть шкуру обезьяны и посмотреть с этой точки зрения? – не найдя других слов, возразил Блор. – Но ты же человек. Все равно не поймешь. Тут кочевник земледельца за равного себе не считает и при случае ноги вытрет непременно о него.

– Будто воины крестьян уважают.

– А это смотря каких! Если ведет себя с достоинством, то почему нет? Любая каста позволяет подняться. И в перерождении ты можешь быть выше по положению. Веди себя как заповедано – и воин поклонится. Мы тоже умеем уважать достоинства в человеке.

– Если обнаруживаете. Но это же не так часто случается. Не смотрят обычно пристально на низшие касты. А встанешь на дороге – в грязь спихнут.

– Ну это не знающие Заповедей.

– Не слишком много таких?

– Мы вроде не о поведении людей говорили? – отрекся Блор.

Он прекрасно сообразил, куда гнет собеседник, но хаять в его присутствии товарищей по касте ремесленнику все-таки непозволительно. Воины разные бывают. На каждый пример ему наверняка ткнут в нос противоположным. Не туда разговор неминуемо уйдет, а ссориться с единственным в округе человеком глупо. Какие они ни есть разные, а оба люди.

– Хотя у каждого свое место в жизни, – твердо закончил. – Но давай все же вернемся к теме. Не станет баран братом волку. Просто потому что тот должен есть мясо.

– Давай о наших хозяевах. Тут все дело в том, кто из нас хищник более опасный. Кто кого схрумкает.

– Ну а че, – удивился Блор. – Сидят в горах, на равнину носа не кажут, даже к реке не очень часто выходят. Кто кого боится?

– Люди – псоголовых, разве нет?

– И чего в них страшного? Детские сказки? Если смотреть, как на другой народ, – я же не сильно-могучий богатырь, а с оружием кто кого бы уделал?

– А ты еще не понял? Фехтование – ладно, поглядишь потом…

А вот это уже обещание, решил Блор. Все-таки не станут резать. Раз возможность присмотреться будет – впереди еще и покормят.

– Она – маг, и неслабый. Если бы такую процедуру, как к тебе недавно, применил некто рангом ниже – остался бы ты без ума.

– В смысле?

– Невозможно взять память и не задеть мозга. Во всяком случае на такое действие способны немногие. Даже здесь. А среди людей вообще о таком не слышали.

– Утешил, – с холодком в груди произнес Блор.

– Меня тоже проверяли. Как видишь – живой. И Шуша в семье не одна. На две сотни – десяток высших, три десятка средних, и почти каждый немного может. Как часто ты встречал в жизни не мелкого жулика, а действительного серьезных профессионалов-волшебников из числа людей?

А что такое маг среднего уровня, Блор переспрашивать не стал. Пусть они считают себя кем угодно, а градация в любой профессиональной гильдии одинакова: ученик, подмастерье, мастер и магистр. Последних вообще единицы, и в любом городе найти не всегда вероятно. За свои умения они хотят получать много больше, а это возможно не везде. Вот и перебираются в провинциальные столицы или вообще Карунас. Ведь кто такой магистр? Сделать добротную вещь иногда сумеет и подмастерье. Изготовить общепризнанный шедевр способны очень немногие. А здесь один из двадцати – магистры магии? Действительно серьезно. Только без нормальной армии это ничего не дает.

– Воины у них тоже имеются, – сообщил Док. До Блора дошло, что он последнюю фразу сказал вслух. Вот так и бывает, когда долго в одиночестве. Начинаешь разговаривать вслух, сам того не замечая.

Снаружи забухали шаги, и очередная обезьянья харя всунулась в дверь. Этот явно не на прогулку собрался. Все тот же знакомый кривой нож, меч, два коротких копья, лук со стрелами за спиной и обшитая металлическими пластинами меховая куртка с капюшоном. Не ополченец, а достаточно зажиточный. И оружие не из кладовки, где валяется что ни попадя. Это парень отметил сразу. Конечно, лучше бы вблизи посмотреть, пощупать, но это вряд ли в ближайшее время.

– Чего расселись? – недовольно прогавкал. Собственно, там присутствовало еще как минимум два слова, однако значение их осталось для Блора тайной. Ухо поймало обычный лай. Впрочем, он легко догадался. Без ругани не обошлось. – На улицу. Все заждались!

Не дожидаясь ответа, развернулся и, не удосужившись закрыть дверь в холодные сени, вышел.

– Кто это был?

– Висби. Старшая среди женщин. На самом деле это просто транскрипция написания имени, как и Шуша.

Мне сейчас это крайне важно, осознал парень. Несет невесть что и зачем.

– А кто это все? – с опаской спросил он, прихватывая нож со стола. Оружие по-любому пригодится. – И куда собрались?

Такая любопытная беседа неожиданно прервалась, и непонятно, что от него требуется.

– Мне тоже редко все подробно объясняют, – хладнокровно ответил Док, – но думаю, насчет твоего личного демона.

– Он не мой!

– Скоро выясним. – В голосе присутствовало предвкушение.

Ага, без особой радости подумал Блор. Он еще одну главу в своей книге опишет, где подробно изложит съедение меня демоном. Наблюдатель паршивый. Продажи бешено возрастут от красочного описания пожирания чудовищем человека.

Глава 6. Странный демон

На улице их уже дожидался целый отряд псоголовых. Десятка два, не меньше, вооруженных с головы до ног. Без команд они построились вокруг, оставив свободным только одно направление. Пихания в спину острым железом не понадобилось. Блор послушно зашагал вперед. Намек был вполне ясен.

Целитель пристроился рядом и так шествовал, продолжая без умолку болтать. Эта гора называется Эцур, вон та – Эстрид, а прямо будет пик, именуемый Эрле. Все они на «Э», потому что гора и есть «Э». А все остальное – ее имя. И на самом деле передать правильно гавканье в человеческой речи никому еще не удалось.

«Были желающие?» – лениво подумал Блор. Делать людям нечего. Ну, в детстве про дальние странствия слушать от матери пересказ очередной книги было интересно. Но то в детстве. А сейчас реально представляешь, насколько много эти описатели врут. Холод описать невозможно. Он хуже жары, и намного. А смерть, в общем, не страшна. Просто засыпаешь.

Шли они минут двадцать – и вдруг разом остановились. Опять никакой команды не прозвучало. Все дружно знали, что к чему, один он оставался в неведении. Впрочем, оглядевшись по сторонам, достаточно легко догадался. Шли они все это время по натоптанной в снегу тропе. Здесь долина явно имела выход в очередное ущелье.

Они стояли на пороге дома псоголовых. Дальше – не их территория. И если он не окончательно выжил из ума, справа на скальной полке, прямо над дорогой, должен торчать пост. Во всяком случае, место удачное. Далеко видно, а достать охранников – никак. Карабкаться прямо по скале – поставляться под убой. Расстреливай сверху врагов без особой торопливости. Подъем крутой до безобразия.

Здесь начиналась нейтральная территория. Или как она называется – ничейная? Если кровь прольется, к их общине-семье отношения иметь не будет. Они не виноваты. Под ноги швырнули небольшой мешок. Блор наклонился и обнаружил в незавязанном нутре здоровущий кусок мяса с торчащей из него костью. Совсем свежая убоина, даже кровь не свернулась.

Прямо к нему, хрустя снежком под ногами, направилась очередная обезьяна. Протянула руку со скипетром, и Блор машинально взял. Псоголовый сразу сдал назад. Парень так и не понял – то ли это была Шуша, то ли нет. В меховой одежде и с прикрытым капюшоном головой. Он и морды-то толком не разобрал. Больше смотрел на руки. В одной деревяшка, в другой – искривленная сабля. Не меч. Но ощущение, что рубанет и не поморщится, стоит открыть рот. Нет, вопросов от него не ждут.

Поглядел, как остальные отодвинулись, по-прежнему охватывая полукольцом, и нехорошо подобрались, и возникли противные мысли. Драться они станут всерьез. Но при этом он – не свой. Его можно и в жертву. Но сколько ждать? Не так много прошли, а он всерьез устал. Долго не простоит.

Рядом шевельнулся Док, он, как ни странно, не смылся, и внятно сказал:

– Зови.

– Как?

– Ну как собаку бы кликал, – без особой уверенности посоветовал тот.

– А почему не кошку? – зло поинтересовался Блор. – Мой демон к какой породе относится?

Не дождался ответа и, сунув руки в карманы, выпятил то место, где когда-то, может быть, появится живот, и гнусным голосом воззвал:

– Пуси-пуси. Поди сюда, мой маленький. – Сделал паузу и повторил: – Пуси-пуси…

Очень хотелось весело посмеяться. Раз уж выбора нет, заодно и обругать этих… собравшихся… Почему нет? Раз уж все одно погибать, пусть запомнят. Блор открыл рот за порцией ругательств – и тут же замер. Буквально секунду назад на дороге никого и ничего не было. Сейчас стояла та самая тварь. Эту излишне огромную голову ни с кем не перепутаешь. Не существуют таких животных!

Вблизи она смотрелась не менее устрашающе. Заметно крупнее барса или леопарда. Десяток пудов веса на глаз, не меньше. Ржаво-коричневый цвет шерсти, вся в пятнах, а вот лапы одеты в белые «носки». И кончик морды тоже белого цвета. А харя – будто медвежья, но не вытянутая, а приплюснутая.

Медленно, припадая к земле, двигаясь гибко и как-то по-кошачьи, тварь двинулась к нему. Почему-то страх отсутствовал. Может, из-за непрерывно дергающегося куцего хвоста? Собаки так радуются. Да и явной угрозы не наблюдалось. Не птичку же скрадывает, прекрасно знает, что он ее видит. Зверь-то зверь, но ведь умный. На зов пришел.

Тварь замерла на расстоянии шага. Уселась на задницу и уставилась Блору прямо в глаза своими красными зенками. Сидя она была немногим его ниже. Локтя полтора, не больше. Здоровая скотина. Кости широкие, мышцы наверняка

не хуже железа по крепости. И выносливая. Не заметно исхудалости или усталости. Пристальный и совсем не по-животному внимательный взгляд не отрывался от его лица, а хвост продолжал хлестать животное по бокам.

Открыла пасть и, дохнув не слишком приятным запахом, смачно мрявкнула. На слух точно большая кошка. Как ни странно, для Блора это прозвучало вопросом. Тварь вежливо хотела выяснить, зачем позвал и не требуется ли кого загрызть. При этом она очень выразительно скосилась на псоголовых, почти не поворачивая головы.

– Ты угощайся, – показывая рукой с намертво зажатым в ней ножом, неизвестно когда выхваченным, на мешок с мясом, посоветовал Блор. И тут же ощутил волну благодарности от демона.

Мясо она сожрала в два приема, перекусив кость толщиной в руку без малейшего усилия. Хрум – и два куска. Пасть при этом открылась чересчур широко.

Что станет с живым человеком или коровой при нападении, страшно представить. Хуже крокодила. Хотя они откусывать не способны. Не те зубы и челюсть. Вот ухватить – да.

Челюсть не рептилии, как в долине с перепугу показалось. Странная помесь собаки, кота и… медведя? Жаль, никогда леопарда не встречал, но вроде они меньше и не та форма туловища. Картинки же видел. Передние лапы должны быть длиннее. Но не собака. Когти выпускает, глядя, как тварь придерживает мешок, вспомнил. Это кошачья манера. У собак они все время наружу.

– Как тебя зовут? – спросил вслух, без расчета на ответ. Но тот неожиданно последовал. Демон замер, прекратив облизываться, и повернул к нему башку.

Блор отчетливо ощутил, как напряглись псоголовые рядом, а за спиной перестал дышать Док. Со стороны, наверное, казалось, что она сейчас кинется. Аппетит разбередил – что такой зверюге полпуда мяса… Ей парочку, не меньше, на ужин подавай. Сама весит не меньше десятка и давно голодная. На самом деле тварь впала в изумление от его простенького любопытства.

– Повелитель хочет дать мне имя? – вычленил он из кучи невнятных эмоций. То есть он так это воспринял. Он ловил чувства, а научиться в них разбираться с первого захода вряд ли и маг сумел бы досконально. Слов не звучало, и вполне вероятно, там присутствовала куча всякого-разного.

– А как ты себя называешь? – брякнул Блор.

– «Идущий по следу вечно по приказу повелителя», – прозвучал ответ в виде маловразумительной кучи очередных эмоций. Может, это и не совсем так, но ближе он слов подобрать не сумел.

«О Воин! – поразился Блор, учуяв в сообщении странную застенчивость. – Да это же щенок. Если не по виду, так по возрасту».

– Возмездие, – твердо сказал он вслух. Проверять, какого пола хищник, ему пока не особо хотелось. Неизвестно как отреагирует, если полезть смотреть. Кличка подойдет в любом случае. А по смыслу вроде тоже подходяще.

– Благодарю, повелитель! – взвыло создание не хуже льва. В мельтешении чувств он выловил нечто невнятное. – «Тот» никогда не интересовался и уж тем более не волновался по поводу моего самочувствия или желаний. Новый повелитель гораздо лучше. Загрызу любого за тебя. Приказывай!

Блор чуть не упал, когда странная зверюга ткнулась в ноги. Это она так привязанность показывает, догадался он, когда демон принялся тереться о ноги с мурчанием страшно довольного кота. Он нагнулся и осторожно тронул башку. Нормальная плоть. Теплая и реальная. Какой это демон – от того обязательно несет могилой и холодом. Чего все всполошились?

Почесал между ушами и получил в ответ свалившуюся на спину и подставляющую белое, в отличие от спины и боков, брюхо тварь. Впрочем, называть так стало как-то неудобно. Нормальное домашнее животное. Опасное – это уж точно, но и псов для охраны выращивают. А бывает, и на людей охотиться дрессируют. Подумаешь.

Ага, все-таки вроде самец. Причиндалы присутствуют. Где, прости меня боги, раздобыть самку в пару? А когда у него гон? Ладно. Проблема не сегодняшняя. Надо расспросить все же, кто и что о нем знает. Да и с самим пообщаться.

Чего они все так трусят, глядя поверх повизгивающего от счастья Возмездия, подумал, глядя на псоголовых, по-прежнему неподвижно стоящих вокруг. Только бы не дернулись без серьезной причины. Испугать такого – дорого обойдется, озаботился, почесывая заросшее густой шерстью брюхо. Стоп! Почему такие мысли именно о людях и охоте? Идущий по следу вечно?

– По моему приказу найдешь любого?

– Запах, – ответил зверь. – Есть кандидатура? Любая вещь дичи.

Явно подразумевались отнюдь не травоядные олешки. Никто еще не обнаруживал у них инструментов или одежды. Сквозь ожидание приказа четко проглядывали азарт охотника и желание показать себя во всей красе. Причем сомнений в окончательном результате он не испытывал. Догонит и загрызет. Будет мчаться сколько потребуется. Дни, недели и годы. И все равно прикончит. Если в приказе не содержится указаний насчет остальных присутствующих при этом, без раздумий и их сожрет.

«Стоп! – отметил Блор. – А вот это важно. Выпуская, надо четко обдумать указания. А то разорвет заодно и кучу посторонних. Не хочу отвечать за гибель ничего мне не сделавших плохого. Это я уже настроился. Держать его в конуре? Ага два раза. Вон как эти типы смотрят. Оружие наизготовку. Стрелы, копья направлены на нас. Вот именно. И на меня заодно. Им такой сосед без надобности…» Нет, решил, почесывая горло зверя под довольный рык, мы ребята тихие и спокойные. Будем жить по обычаям местных. Нехорошо в чужом доме наглеть.

– А что ты делаешь, когда нет приказа кого-то ловить?

Глубокое недоумение в ответ. Ничего. Он вроде как не присутствует на земле вообще. И был-то здесь всего семь раз. Картинка разодранных людей была очень красочной и реалистичной. И от пожирания тел всерьез замутило. Дикость. Ну он животное, не понимает. Как мог «Тот» позволять такие вещи? Хуже скота. Ладно, с усилием отстраняясь от очередной порции хвастовства с демонстрацией результата охоты, решаю: сейчас лишнее. Надо хорошо все это обдумать. Точно, совсем молодой. Глупый еще, и необходимо воспитание. Слушаться ведь будет?

– Мрак! – невольно сказал вслух Блор, когда Возмездие заюлил перед ним на спине, на манер преданного пса, подставляя брюхо и уверяя в бесконечной преданности. Он тоже ловил происходящее в голове у Блора. Если и не слова, то общее настроение. Осторожнее надо быть. Мало ли что.

– А как… – Блор еще не закончил вопрос и мгновенно получил ответ. Кровь на скипетре. Своя, не чужая. Как призвала, так и отправит назад.

Не торопясь извлек нож, несильно резанул палец, пытаясь уловить эмоции зверя, но тот отнесся к происходящему совершенно спокойно. Повелителю временно не требуется – его право. А находиться в небытии или где там – Возмездие не опасался. Пока он не здесь, ничего не происходит. И все.

Фантазия у него отсутствовала напрочь, и бояться абстракций он не был способен. Очень практичная зверюга. Совсем не прочь пошалить и побегать. Поохотиться – замечательно. Наесться всласть или получить долю ласки и чего еще требуется? Животное. Достаточно умное, преданное (неясно – за счет магии или еще по каким причинам), но живет на рефлексах. Будущего или прошлого для него не существует. Он живет здесь и сейчас.

Растер кровь из пореза на изображении. Подумал и торжественно вслух произнес:

– Ступай на место, Возмездие.

Ничего лучше он не придумал, а команда должна быть. И она сработала. Сначала исчез поток эмоций, затем Возмездие стал прозрачным. При этом сквозь зверя прекрасно можно было рассмотреть окружающие скалы. Будто сделан из мутного тумана или дыма. И сразу за этим тело заколебалось и, превратившись в струю дымки, потянулось к скипетру.

Блор стоял, обалдев, с открытым ртом и бешено бьющимся сердцем и наблюдал, как втягивается внутрь зверь. Еще минуту назад он чувствовал шерсть, мускулы и прочее тело под рукой. Значит, действительно демон! Не сказка, поздно ночью изложенная у костра подвыпившими людьми. Не приблудившийся из леса или из таинственной пещеры малознакомый опасный хищник. Натурально порождение магии. Жуть.

Псоголовые разом задвигались, стоило исчезнуть последнему клочку тьмы в дубинке. Дружно повернулись и превратились в небольшую кучку соплеменников, болтающую о неких пустяках. Дальнейшее их уже не волновало. Никому и не стукнуло в башку махнуть рукой, подзывая его. Блор смотрел исподлобья с не очень приятным чувством. Его в очередной раз использовали, и хорошо что не стали убивать после получения необходимого.

– От такого проклятья я бы тоже не отказался! – хлопнув его по плечу, заверил Док. – Ты же с ним говорил, и он слушался.

– Да, – подтвердил Блор. Пускаться в многословные откровения он не собирался. Лучше придержать при себе подробности. – А они меня теперь – того, нет?

– Хотели бы – уже зарубили, – весело объяснил целитель. – По легенде… хм… этот непременно вылезет и отомстит. А загнать его назад уже некому. Так что не тронут.

– А его забить? Он из плоти – не дух.

– В принципе могут.

– Вот так просто? – не поверил Блор.

– Нет никого из мяса и костей, кого невозможно уничтожить. Сталью, огнем, водой, камнем. Крато много раз убивали разных демонов, но никому не хочется проверять на практике. Вон, посмотри, видишь пик с раздвоенной вершиной? – показал рукой.

– Да.

– Там, за ним, находится самое известное место в нашем мире – Мать Гор, Яма.

– Оттуда пришел Воин? – всматриваясь в очередную гору, жадно переспросил Блор.

– Каждый год оттуда появляются. Люди, звери, птицы, демоны и даже нечто, не имеющее названия в нашем языке.

– И ты там был?!

Док хмыкнул.

– Пойдем уже. Нечего там смотреть, – сказал после недолгого молчания. – Огромный круглый кратер, закрытый плотным дымом. Ни зги не видать. Не от огня. Говорят, находящийся внутри никакого тумана не видит. А… никто не знает. И войти туда, придя с гор, нельзя. Ну да это ты и сам знаешь. Легенды все слышали.

– Но ты смотрел вблизи?

– А чего там может быть интересного? Камни, скалы и Яма, куда не попадешь. Ты бы лучше спросил, что происходит с вышедшими оттуда.

– Э? – не понял Блор.

– Им дают возможность идти куда заблагорассудится. Не подходят, не помогают, но и не мешают. Сможет выжить самостоятельно – значит, достоин существовать.

– Ну это справедливо, – пробормотал Блор. – Если в тебе присутствует божественная сущность…

– Справедливо? Там кучи костей местами. Кто на свое несчастье попадает в холодное время, имеет мало шансов дойти до реки. Думай, воин, прежде чем сказать. Они тоже не хотят сгинуть за просто так. Наверное, справедливо было дать тебе помереть на пороге дома, нет?

– Я не оттуда! Я – человек!

– Ну правильно. Для себя исключение, – недовольно пробурчал Док. – Как раз ты очень сомнительный тип. Принес с собой нечто подозрительное и, очень вероятно, опасное.

– И почему же не переступили равнодушно?

– Я попросил, – после длинной паузы сказал Док.

– За мной долг? – насторожился Блор.

– Не учуй Шуша, что ты местный и тащишь за собой вещи с гор, – не стали бы позволять мне лечить. Здесь есть маленький, – он показал пальцами, – очень маленький зазор между законом Ямы и обычаем. Крато и сами пришельцы.

– Из Ямы?

– Чему вас только учат в храмах!

– Такому – точно нет, – согласился Блор. – Можно я отдохну? Совсем сил нет.

– Посиди…

До приземистого здания, откуда начался их поход, было уже совсем недалеко, но действительно у него не осталось сил. Пока ждал нечто опасное, требовалось держать лицо перед зрителями. Потерять честь на глазах у обезьян? Да никогда! Он воин и шагнул через страх без малейшей задержки. Нельзя бояться. Надо идти вперед. Вопреки всему. Показать ты можешь. А сейчас держаться на силе воли уже не требовалось. Он все выполнил. Он их всех сделал! Теперь и отдохнуть есть минута.

Вид у поселка оказался донельзя непривычным. Дома никто такого не строил. Башни горцев он видел раньше, когда отряд поднимался вверх. Здесь практически то же самое. Четыре близкостоящих массивных прямоугольных сооружения, примостившихся на скальном выступе.

Ну это без объяснений сразу понятно – на случай обороны. Подойти получится лишь с одной стороны. Тут и фундамента не требуется. Прямо на породе здание ставь и клади вверх три, а то и четыре этажа. Причем не из кирпичей – это сразу видно. Из камней различных размеров на кладке. Внизу так вообще монстры огромного веса. Никаким тараном не прошибешь.

Любопытно не это. Внизу отчетливо отдельно присутствовала пристройка. Совсем другой вид. Очень напоминает дома из долины. И сложен не так давно.

По цвету камней даже издалека заметно. Но ведь не хлев, Док в нем и раньше жил.

– Это дом специально для гостей?

– Для людей. Сам сложил. И стены, и крышу, и печку. Даже стол и табуретку своими руками сделал. Я много чего умею.

Сказано было с ощутимой гордостью, но Блора сейчас занимало другое.

– Они нас как скот держат отдельно от дома?

– Когда дочка фем Вердера заболела, меня позвали ее лечить, – задумчиво сказал целитель. – Так мало не накормили – еще и не заплатили. И не он один такой.

Блор не стал с возмущением доказывать, что воин не может себя так вести. Приходилось сталкиваться. А что, ремесленник стоит выше лишь крестьянина и раба по положению. Можно с ними не считаться. В городе есть хоть суд гильдий и есть кому пожаловаться. В поместье фем сам себе хозяин. Захочет – выпорет. Пожелает – и убьет. Одиночке лучше не раздражать хозяина.

Намек был более чем прозрачный. Слушать такое очень неприятно, но не поклеп. Многие, получив власть, моментально забывают о законе. Даже в низших кастах люди и достойны нормального обращения.

– Скот как раз находится в доме, – продолжал между тем Док. – Первые два нижних этажа предназначаются для его содержания. На первом держат коров, яков и лошадей. Еще зерно в специальной яме, с обложенными плиткой стенами. На втором этаже держат овец и коз, и туда имеется отдельный вход.

– И как животные поднимаются? – невольно заинтересовался Блор.

– По специальному настилу, сколоченному из бревен. Живут на третьем. Там и очаг для приготовления пищи. Мы с тобой питаемся отдельно.

– Боятся, испоганим пищу? – зло поинтересовался Блор, поднимаясь. Отдохнул уже. Не очень приятно на морозе сидеть. На улице далеко не жарко. В доме приятнее. Там натоплено.

– Вот для этого, – проникновенно сказал Док, – я и надеюсь написать книгу. Чтобы глупости без знания не распространяли. Ничего не видел, а уже полные карманы обид. У крато очень сложное общественное устройство. Сразу и не поймешь иерархии, тем более она двойная – мужская и женская. И старший – не наследник вождя и даже не самый сильный. Он – политик, контролирующий происходящее внутри группы. В любом коллективе имеются трения, проблемы, недовольные, ищущие карьеры или развивающих умений. Мужчины меряются силой, но и женщины мало похожи на человеческих.

– Да уж, – подтвердил с чувством Блор.

– Ой, да при чем тут внешность! – правильно поняв, отверг целитель. – Я о поведении. Любая на полном скаку из лука попадет в цель. Они ходят на охоту и выполняют в хозяйстве почти все тяжелые работы.

– На лошадь в штанах?

– Естественно! Они в юбках одни праздники посещают. То, где требуется крутить задом перед мужиками.

Блор невольно ухмыльнулся. Кто-то ведь и в таких влюбляется.

– Но «скачки до обрыва» – это изумительное зрелище. Не кто быстрее домчится, а остановить на линии. За пятнадцать-двадцать шагов до пропасти намечается черта, и очень важно, чтобы лошадь остановилась как можно ближе к линии, не доходя до пропасти. Наиболее искусные добивались остановки через шесть-восемь шагов. Берзона во время тренировки приучала лошадь падать – садиться на задние ноги.

Блор оценил описание. Кони не любят становиться на колени. Они и спят стоя.

– Падают? В пропасть?

– Случается. Я дважды видел. Зато победитель в огромном почете!

Он толкнул дверь в дом и пропустил Блора вперед. То ли из вежливости, то ли заметил, насколько тот устал, и ненавязчиво решил облегчить последний бросок до табурета.

– Ах, да! Совсем вылетело из головы. Это тоже твое имущество, – и Док извлек из-под стола игральную доску.

– А золота мне не оставили? – как бы между прочим спросил Блор.

– Будешь уходить – спросишь. Но вряд ли. Считай, за постой взяли и обучение.

– В смысле?

– Ну как! Во-первых, воин обязан уметь драться...

Сонливость мгновенно испарилась в неизвестном направлении.

– До весны получишь достаточно уроков. Хм… достаточно суровых. Но это уж насколько согласен терпеть ради науки убивать. Можешь отказаться и просто спокойно жить.

– Действительно дадут уроки?

– От тебя все зависит. За несколько месяцев великим фехтовальщиком не стать, однако дать могут много. По любому пригодится. И во-вторых, домашние дела делаем по очереди. Продукты выдавать никто не обязан. Ты не гость, а временный жилец.

Все-таки к гостю относятся уважительно, отложил на будущее парень.

– Покажешь, где брать уголь и как с едой. В такой печке я готовить не умею.

Целитель удовлетворенно кивнул. И Блор понимал почему. Он мог заартачиться и высказаться в смысле «воин не обязан заниматься хозяйством». Ага. А жить в

чужом доме и жрать еду он имеет право? Надо иметь совесть. Тем более что его лечили и спасали. Уподобляться неведомому фему Вердеру не хотелось. Ничего плохого ему целитель не сделал. Напротив, спас и помогал.

– Может, сыграем? – спросил тот с надеждой.

– Я не умею, – сознался Блор. – Это же из саркофага. Никогда такой не видел.

– Очень подходящая для развития стратегического мышления, – тоном заманивающего жулика сказал целитель.

Развернул доску и принялся расставлять белые и красные фишки на поле 9?9.

– Это король на троне, – объяснил, водружая в центр ту, что с короной на макушке. – Защитники (восемь красных фишек) крестообразно установлены перед королем. Шестнадцать нападающих (белые фишки) занимают середины противоположных кантов игрового поля. Король остается победителем в игре, если он достигнет канта игровой доски. При этом сам он не участвует в битве. Нападающая сторона, которая играет белыми фишками, одерживает верх, если ей удается полностью окружить короля с четырех сторон или прижать его с трех сторон таким образом, чтобы королю оставалось только укрыться на клетке трона. Э… Да ты спишь на ходу. Ладно. Будет еще время. Отдыхай, – предложил Док добродушно. – Только на печке – кровать все-таки моя. Сегодня твой последний спокойный день.

Блору уже без разницы было, что он там бубнит. Залезть на теплую полку – и спать, спать, спать…

Глава 7. Обучение

Не позволяя удлинить дистанцию, что давало преимущество длиннорукому Цабельну, он двигался постоянно, пусть на маленький шажок в сторону. Удары беспрерывно сыпались отовсюду, но Блор приспособился к манере действий псоголового и уверенно отбивал их все. Цабельн только казался обделенным присущей им всем от природы ловкостью. Впечатление медлительности могло

появиться лишь у никогда не тренировавшегося ним в паре.

На фоне Шуена, Руена или Фикеле он не котировался в глазах остальных, однако в семейном боевом отряде по уровню находился где-то на пятом месте. Совсем недурное достижение держаться против него. До здешней долины Блор и не подозревал о такой скорости движения. Ни один из прежде знакомых ему воинов не сумел бы драться с этими на равных. Даже отец. Это обидно признавать, но он достаточно взрослый, чтобы помнить и сравнивать.

На очередной удар он ответил боковым и, ментально изменив направление, попытался совершить укол в живот. Ага, нечего и рассчитывать было, с трудом уклоняясь от ответного выпада, осознал Блор.

Будь у них в руках настоящие клинки – непременно гудел бы металлический перезвон и лязг. Но вместо опасных для жизни клинков на тренировках постоянно использовали специально подобранные по весу и выточенные в виде личного оружия дубинки из того странного дерева, из которого изготовлен скипетр. По весу они даже тяжелее реального.

Да! Первое, что он поучил взамен исчезнувшего золота и бронзового изогнутого клинка, оказались прямой обоюдоострый слегка более узкий, чем привычный, меч и кинжал.

Меч – это признак воина. Обычный человек не имеет права им владеть. Разрешен максимально нож длиной с предплечье. И таким можно убить кого угодно, но разница заметна с первого взгляда.

В этот он моментально влюбился. Идеально подходящий под руку и прекрасно сбалансированный. Им удобно как колоть, так и наносить рубящие удары. Специальная гарда защищала пальцы, и не требовалось перчатки. Именно такой он и выбрал бы, имей возможность.

«Ангх-Кхола» назывался подобный набор у псоголовых. Меч – ангх, кинжал – кхола. Щит они использовали, но мало и редко. А в поединках дрались сразу двумя руками. Стиль в империи неизвестный и оттого еще более опасный. Впрочем, его учили работать со щитом, топором и копьями. Коротким и длинным. Единственное – не с луком. Да он и сам знал: поздно. Годы потеряны, и привычки нет.

А лично его никто и не подумал спрашивать о мнении. Надо ему такое, или он предпочитает нечто знакомое. Отвели к кузнецу, сняли мерки – и через несколько дней вручили Ангх-Кхола, без всякой торжественности. Заготовка почти наверняка уже имелась. За такой срок хорошего клинка не создать.

На самом деле ему принадлежала еще куча оружия, доставшегося от отравленных в долине. Почти все потерялось, но кое-что он донес. Два топора – метательный и хозяйственный, – три коротких копья-дротика, десяток метательных ножей, богато украшенный парадный нож Зевтица и гораздо более дорогой, с накладками и растительным орнаментом, – фем Кнаута.

Еще нож для мелких и хозяйственных работ, используемый как рабочий инструмент. Он имел очень толстый клинок, по форме напоминающий широкий лист. Все это позволялось использовать в разного рода тренировках, но кривились псоголовые, что любой бы заметил. Настоящее оружие – меч и кинжал. Все.

Клинок традиционного кхола имеет не только заточку с переменным углом, но и зонную закалку. У обуха клинок значительно мягче, чем у кромки лезвия. Применить для чего другого, а не по четкому назначению, запрещено. Да и не хочется. Это оружие боя, а сдирать кожу с дичи существуют специальные обвалочные ножи.

Между прочим, набор Ангх-Кхола стоит немалых денег. За одно клеймо настоящее, подтверждающее работу псоголовых на оружии, давали без разговоров в Империи до трех больших золотых империалов. Там оно было редкостью и высоко ценилось.

Но опытному человеку и так виден рисунок на лезвии. А подделать или повторить еще никому не удалось. Меч, разрубающий железный гвоздь и при этом сгибающийся в дугу, – идеальное сочетание твердости и упругости. И они это знают, не могут не знать. Назвать это обычным подарком язык не поворачивается. Компенсация за отобранное? Разве что так. Нельзя просто взять ценную вещь – всегда дают нечто взамен.

Вообще у здешних хозяев оказалась масса разнообразных запретов и примет. Очагом клялись. Кража, совершенная возле очага, воспринималась как смертельное оскорбление. Туда нельзя было бросать сор и немыслимо плюнуть –

убьют.

Когда хозяйка дома подметала пол, она должна была мести от очага, а не в его сторону. После окончания трапезы крошки хлеба со стола принято бросать в горящий очаг. Ну последнее понятно – обычное жертвоприношение, но со здешними богами он так ничего и не понял. Вроде они есть, но изображать и называть по имени не положено. А вопросы на эту тему очередное оскорбление дома, карающееся смертью.

Эта странная смесь высокомерия, когда, ни слова не объясняя, отбирали, вручали, тренировали, кормили и одновременно тщательно следили, чтобы ты не нарушил неких абсолютно неизвестных законов, – всерьез раздражала. Если бы не Док, он наверняка неоднократно попал бы впросак, и неизвестно с какими последствиями. Могло и не обойтись поркой.

Плюнувшего в огонь, к примеру, сразу записывали в кровники, и тогда его жизнь давно оборвалась бы. Он, правда, и не собирался, зато попытка пройти на женскую половину случилась. Тут проще. Облили презрением – и все. Не вошедшие в возраст мальчики вполне могут сидеть и справа от главы рода. Но делать этого обычно не станут. Кому не хочется выглядеть в глазах окружающих взрослым?

Отскок, уклонение, выпад! Раз – и он врезал своей дубинкой по плечу Цабельну. На мгновенье оба замерли. Псоголовый отшатнулся, будто не веря, и взвыл не хуже волка, обрушив на Блора град ударов. Три, четыре – и парень отлетел, получив по ребрам. Даже на земле он продолжал улыбаться, страшно довольный. Достать пятого в роду – это достижение, и немалое. А Цабельн потерял лицо на глазах всех присутствующих. Только плохого воина боль отвлекает, и очень паршивый впадает в ярость в бою или тем более на тренировке.

Тот и сам сообразил, насколько прокололся. Замер в стойке и показательно поклонился. Извиняться не стал. Протянул руку, оскалившись в том, что, скорее всего, считалось среди местных дружелюбной улыбкой. Это когда клыки не показывают, лишь немного губы раздвигаются. Для человека натуральная гримаса, но Блор уже привык и научился мимику распознавать. Даже по мордам, которые лица, а не фигурам и одежде отличать.

Блор протянул ответно руку – мол, претензий не имеет. Не в первый раз ему достается и, надо думать, не в последний. Никто не собирался его щадить, но надо сказать, и своих не жалели. Когда дерутся два примерно равных по силе, они пускают в ход все свое умение и бьют просто зверски. Мускулатура абсолютно нечеловеческая, намного сильнее. Искалеченных он тоже видел, но здесь с этим проще. Подскочит маг – и выправит. Всегда рядом наблюдатель торчит. Тренировок без присмотра не бывает.

Абала уже подлетела и с озабоченным видом принялась ощупывать его больные ребра. Блор невольно вскрикнул от бесцеремонного тыканья жестким пальцем. Иногда он чувствовал именно себя небольшой ручной обезьянкой. А что, та мартышка в Шейбе тоже разгуливала в одежде, курила трубку и кланялась. Очень смешно смотрелось. Вот и он вроде такой для них. Дети до сих пор приходят пялиться и смеяться. А эта так вообще игрушку себе нашла. Сзади ходит и использует его на манер куклы или щенка. Заботу, Мрак и Хлад, проявляет.

– Ну что? – спросил он с опаской.

Девочка принялась привычно говорить на языке жестов. Понимание лая хозяев, как и обещал Док, исчезло достаточно скоро, хотя в общих чертах смысл речей он обычно улавливал. Тем не менее, объясняться как-то необходимо. К счастью, не он один такой в горах. Сама по себе Крыша Мира настолько огромна и столь широко раскинулась, что не могут не жить тут самые разные племена, включая и людские. Кого вытеснили в малопригодные для нормальной жизни места в незапамятные времена, кто пришел из Ямы, кто всегда здесь находился – и всем приходится объясняться друг с другом.

Торговать и путешествовать, не понимая даже соседа, укрепившегося в недалеком ущелье, достаточно сложно. Вот и выработали для нормального общения язык жестов. У кого руки имеются, всяк сумеет. Три с лишком сотни жестов – и на всей территории гор и предгорий тебя прекрасно поймут.

Ну есть еще более сложные вещи, когда в ход идут движения тела, головы и прочих частей тела, но для бытового разговора хватает и обычного набора. Выучить его при желании не слишком тяжело. Зато и не лупишь в непонятках зенки на очередное гавканье. Удобно. Тем более что выскоумных бесед псоголовые с ним вести не намеревались, а рассказы Дока обходились без мельтешения рук.

– Перелома нет, – просигналила Абала, – трещина. Раздевайся.

По совершенно непонятным Блору причинам лечебная магия лучше срабатывала при контакте с голым телом. Сквозь одежду хуже, металл – крайне мешал. И это касалось не одних псоголовых.

Очень быстро Блор понял, что и целитель учится у здешних отнюдь не умению заваривать редкие травы. Может, он и был когда-то каменщиком, печником или еще кем по профессии, но сейчас учился воздействовать на человека.

С какой стати та же Шуша согласилась в этом участвовать, а семейка терпела человеческого недомага рядом не первый год, он так и не выяснил. Тот явно многое мог, но чаще пользовал обычными методами – отварами и ножом. Док на некоторые вопросы не отвечал, при том что поговорить всегда не прочь. Кто он, откуда, как сюда попал, Блор не знал. И, честно говоря, знать не хотел. Всякое бывает, в этом он твердо уверен. Даже если у человека за спиной не вполне чистое прошлое, пока он ведет себя дружески, незачем лезть в душу грязными сапогами. На тайну имеют право все. Ему тоже не всем случившимся охота делиться.

Блор вскакивал ранним утром, не успевало солнце преодолеть вершины гор. Ничего сложного в этом после Храма не имелось. Да и дожидаться, пока в дом без стука ввалится очередной псоголовый, желание отсутствовало. Вежливостью они себя в отношении него не утруждали. Очередной нетерпеливый уже наверняка дожидается снаружи. И лучше его не злить, чтобы не заработать лишней порции ударов. Тут не всегда помогала и толстая одежда с нагрудником. Дрались на спаррингах вполне всерьез, не сдерживаясь.

Для начала несколько кругов бегом, скорее чтобы прийти в себя и не спать на ходу, чем с определенной пользой. Легкий завтрак из небольшого количества каши с мясом. И пять-шесть часов жесткой тренировки, в течение которых лишь изредка выдавалась возможность передохнуть.

Травмы и болезни псоголовые рассматривали как попытку увильнуть от занятий. Они считали, что если уж взяли на себя труд показать нечто, то и ученик обязан соответствовать. Если в состоянии ходить, значит, может и прыгать. Извинением могли служить разве явные переломы, но никак не ушибы или синяки и уж те более усталость. Тренировки могли тянуться до полуночи. Шесть часов на сон –

и вновь тренировки, изо дня в день, все семь дней недели. Свободное время было редкостью и поводом для праздника.

В каком-то смысле это оказалось даже замечательно. Для него. Он еще растет, и запредельные нагрузки ему пошли исключительно на пользу. За полгода он прибавил в весе двадцать пять фунтов – и не северных, а честных имперских. В высоту пошло немного, остальное в мускулы. И все это благодаря помощи Абалы и Дока. Она тщательно следила за его состоянием и могла даже остановить поединок. Псоголовые слушались малолетку. Оно и понятно: маги – вне каст. Хотя вроде бы у этих и нет.

Во всяком случае, прибить его всерьез, до переломов или отбитых внутренностей, она не позволяла. И все бы ничего, однако постоянный пригляд далеко не всегда оказывался приятен. Девчонка вполне могла попереться за ним куда угодно, включая и нужник, но если нормально попросить – оставляла в покое. Сидела неподалеку и жалобно вздыхала. Так они и ходили вдвоем всегда и по любому делу. Не захочешь – привыкнешь. А что он для нее тренировочный объект – так на пользу же. Одно он так и не уяснил: самой ей в голову взбрело или кто-то дал указание.

Все тренировки были через силу, и Док вечером снимал усталость и боль в мышцах. Обычным массажем, без всяких магических штучек. Такому специалисту цены не было бы при дворе любого аристократа. Услуги такого рода и столь высокого уровня должны цениться на его вес монетами. Блор мог заниматься благодаря их помощи круглые сутки. И он делал бы это, если бы остальные не отправлялись спать. Зато вскакивал еще до рассвета и весь светлый период употреблял в дело. То, что остальные воины в оставшемся где-то далеко доме могли получить лет за пять, он наверстывал сейчас, в бесконечных схватках и повторении упражнений.

Ребра, сжатые сильными пальчиками, обожгло огнем, но он так и остался неподвижным. Спокойствие и отсутствие видимой реакции при подобных процедурах почему-то очень ценились псоголовыми. Один раз он присутствовал при лечении сломавшего ногу ребенка. Тот вместо плача и жалоб сидел с каменой мордой, а потом, когда процедура закончилась, упал в обморок.

Ничего приятного в подобном исцелении не имелось. Чем хуже рана, тем жутче боль. Док как-то сказал, что человек получает разом всю порцию, которая ему положена за время нормального выздоровления. Боги не дают подарков просто

так. За все приходится платить. За здоровье – телесной мукой.

– Спасибо, – произнес он насколько мог отчетливо. Раньше Абале не доводилось беседовать с людьми. Они учились одновременно. Блор – языку жестов от нее, она – людскому наречию. Док не стремился ее озадачить имперским диалектом, и они общались обычным способом – руками.

Абала ответила пренебрежительным жестом. Ей это – тьфу и растереть. И ведь не выставлялась – действительно могла очень многое. В человеческом городе ей цены бы не было. Правда, там она имела бы замечательные шансы получить по голове камнем. А то и чего хуже. Да, и здесь далеко не лучшее место, но все же свои. Почти.

С ней вообще были какие-то непонятные сложности. Не из данного семейства, но жила почему-то в долине. Сверстников по возрасту не имелось. Дошло это не сразу, а когда он заметил, что делились здешние жители очень четко по возрастам. Старшие с младшими редко занимались одним делом. Все распределялись в труде и тренировках по одним им ведомым правилам и редко сталкивались.

Док не стал подробно распространяться на недоумение, но одно Блор уяснил точно. Псоголовые имели время гона. Поэтому и дети рождались почти в одно время. Сезон охоты, сезон земли, сезон спаривания и сезон рождений. Нечто в таком роде. Иногда случались сбои, и дитя появлялось на свет в неурочное время. По здешним понятиям вроде как жуткие извращенцы отец с матерью.

Такой ребенок считался проклятым, но никто не знал – отрицательным или положительным проклятьем. Поэтому принимались меры предосторожности. Отправляли младенца в другую семью, а с родителями запрещали видеться. Впрочем, есть весомый шанс, что их тоже сплавляли в некие дальние края или в жертву приносили. Все зависело от ситуации и внутренних трений в роду. Всякое происходило, как он выяснил.

Док уверенно говорил, что из таких получались великие представители своего племени. Причем в обоих смыслах. Герои и подлецы, мощные маги и отвратительные трусы. Все дело в отношении и характере. Когда на тебя с рождения смотрят с подозрением, легко сломаться и приняться вести себя назло. Или всю жизнь доказывать окружающим, что ты не хуже.

Редко нежданному удается стать своим для семьи. Так что ничего удивительного, что она предпочитала общество людей. Они уж точно не смотрели свысока и с опаской. Напротив, уважали и спрашивали совета. Приятно оказаться необходимой и важной в одиннадцать лет.

– Домой, домой, – приказала Абала уверенными жестами. – Сегодня хватит.

– Да ты просто играть хочешь! – возмутился Блор.

Девочка уверенно кивнула. Посмотрела на реакцию и подмигнула. В некоторых отношениях псоголовые вели себя вполне на манер людей. Смеялись, ругались, подкалывали приятелей без злобы. Вот и этому люди Абалу не учили.

Он так и не проникся величием и любовью к игровой стратегии. Правила запомнил, но интереса не испытывал. Реальные военные действия во многом зависят от удачи, неожиданности, а не только от умелого стратегического расчета.

Да и нет там особой хитрости. Нападающий не имеет других шансов победить, кроме как наступать всеми своими фишками равномерно. Защищающийся, наоборот, должен постоянно стремиться переводить короля на свободное место, чтобы его не смогли окружить. А заодно чтобы нарушать равномерное наступление нападающих. Любой дурак знает: если у тебя преимущество в бою – не нападай отдельными отрядами.

Блор предпочитал кости, но в это целитель отказывался играть категорически. Думать не требуется. Зато предложение сыграть в покер он всецело одобрил. Извлек из своего бездонного сундучка колоду, и если бы у Блора имелось то самое извлеченное из могилы золото, он без сомнения остался бы без него достаточно быстро.

Они играли в основном на хозяйственные дела. Через неделю Блор уже тащил все хозяйство на себе. На самом деле не так и сложно натаскать угля, почистить печку, помыть полы, принести из башни еду и помыть две (чаще три, с Абалой) тарелки. Но обидно. Считать он умел и был уверен в своих силах. Оказалось, много мнил о себе. С профессионалом лучше и не пробовать соревноваться.

Урок он получил серьезный. Дело не в отсутствии опыта, заверил его целитель, в очередной раз оставив с носом. Надо уметь считать шансы банка, запоминать карты и представлять наличие подходящих для комбинации для улучшения при принятии решения о продолжении.

Блефовать – тоже дело немаловажное. Надо уметь. Человека выдают движения. Он редко за собой замечает, однако будь внимательным. Этот, нервничая, стучит по столу, у того дергается глаз. Полной гарантии не существует, но, как и везде, при длительных тренировках набитая рука и опыт идут на ползу делу.

А еще, произнес с усмешкой, со своей колодой я раздену любого. Даже с чужой после внимательного наблюдения. И показал как. Запоминание задней стороны карт. Следы, пятна, нажим ногтя, помятый угол. Много существует вариантов. Надо иметь хорошую память и наблюдательность. На закуску продемонстрировал пяток фокусов, как передергивать. Не маленький, сказал на недоуменный вопрос. За такое в таверне зарежут, если поймают. Но тут не для тебя, а чтобы видел этакое у других. Знай, с кем садишься.

Уже потом Блор случайно выяснил у Абалы, что добрая половина семьи у целителя в должниках и с ними он играет в покер и еще какие-то игры отнюдь не на мытье полов. Лезть с этим к Доку он не стал. Даже если тот шулерством потихоньку занимается – не его дело. Он даже не гость. Впрочем, в явное передергивание он не поверил. Там же и маги присутствуют. Не так уж и просто хорошего волшебника обмануть. Вранье они должны чувствовать.

– Извини, – ответил девочке, – надо проверить Возмездие. Я его послал добыть кабанчика. Надоела баранина в любых видах до невозможности. Утром вяленая, вечером жареная, а также сушеная.

Девочка взвизгнула с непередаваемым восторгом. В горящих глазенках страстное желание повидаться. Тем более странно, что демон не особо приветствовал посторонних. Не кидался, но и не подпускал к себе. Шуша один раз навестила с целью проверить, как проходит воспитание и не слишком ли близко к поселку. Очень неприятно вышло. Демон без команды стал страшен. Шерсть на загривке стала дыбом, глаза красные, и злоба так и хлещет.

– Она хочет меня убить, – пожаловался Возмездие. Остальные картинки в его передаче в переводе не нуждались. Он и сам готов был ее растерзать, и особой

причины для этого не требовалось. Достаточно разрешения. А если последует атака, то и «фас» не понадобится.

Больше из псоголовых на Блоровы развлечения никто не приходил. За минусом Абалы. Она сидела в сторонке и, разинув рот, наблюдала за процессом воспитания. Зверя он выпустил достаточно быстро, проверив через Дока, что никто не станет на него охотится. Обратное тоже важно. Правила простые – местных не трогать, на территорию долины не заходить. Вроде пока все шло хорошо. Претензий не предъявляли.

Не то чтобы изначально очень хотелось, но Док убедил. Выбросить жезл в пропасть – крайне глупо. Да и зверь не виноват в ранних действиях. Он исполнял приказы. Обычный воин ничем в этом смысле не отличается. Идет куда пошлют и частенько ведет себя не лучшим образом.

Если тебе достался полезный инструмент в наследство от неприятного дяди, ты же его не выкинешь просто так? Даже если молотком кого-то убили. Возмездие – тот же инструмент. И лучше уметь им пользоваться правильно. А то, что он живой, возлагает на тебя определенную ответственность. Требуется выяснить границы власти и как использовать. Он же не хуже собаки, даже умнее! И вот это запало Блору в голову прочно.

Началось все с выяснения – на что, собственно, способно нежданное приобретение. За неимением других идей было взято за основу воспитание сторожевой собаки. Не тех тупых тварей, что сидят на цепи и злобно лают, готовые напасть на кого угодно по злобе, даже на хозяина. Нет. Умелого и работающего сознательно сторожа.

Простейших команд Возмездию объяснять не требовалось. Демон реагировал еще до слов на соответствующий образ в мозгу. «Ко мне», «Взять», «Принести», «Брось», «Атака», «Задержать», «Сидеть», «Лежать», «Рядом» и еще до сотни таких он освоил мгновенно.

Мозги у демона оказались вполне приличными. Конечно, научных трактатов не напишет, но потому что это не входит в сферу интересов. Он действительно был как ребенок. Охота – игра, команды – игра, преодоление препятствий и решение задачек – одна сплошная игра. Требовалось твердо ставить условия и не допускать лишнего.

Возмездие на уровне инстинкта усвоил, кто главный, и готов был развлекаться. Раньше столько удовольствия ему не полагалось. Зов – приказ – убийство – наскоро пожрал – вернулся с докладом – и небытие до следующего зова. А сейчас еще и похвалят да попутно почешут. Полное счастье. Он ужасно старался. Пришлось даже усвоить понятия «свой» и «сосед». На первого можно не реагировать. Опасность отсутствует. Со вторыми не встречаться и не нападать. Про остальных – сообщать.

Повелитель Блор посылал его с поручениями. Обойти долину. Посмотреть. Доложить о происходящем. Никого не трогать. Отправиться в соседнюю. Разведать, и чтоб никто не заметил. Рассказать про встреченных животных, людей и вообще дать полную картину. Получить указания, кого можно ловить, если поход длительный, для кормежки. Кого трогать нельзя.

Здесь довольно долго была тяжелая проблема. Виды животных демон замечательно различал. Псоголовых с людьми не путал, как и лошадей с оленями. Но для него все они являлись добычей. Ладно еще двуногие – атака по приказу. Почему, собственно, нельзя барана задрать, удравшего из долины, когда точно такого же в горах – запросто?

Блор долго не мог объяснить, пока не догадался выяснить разницу в запахе. Домашние пахли иначе. Дымом, человеком, железом. Сразу стало ясно. Собственность. Это он усвоил. Зато полюбил таскаться за местными и подсматривать. Некоторые демона чувствовали и нервничали, но обнаружить его не могли. Новости на эту тему приносил довольный Док. Он и подсказал вчерашнюю затею отправить зверя за свиньей. Соль ситуации – принести им именно свинью. Тоже своего рода тренировка.

Кабаны не так далеко имелись. Блор все-таки в свое время умудрился выскочить из высокогорья и спуститься к нормальным лесам. Еще немного – и дошел бы до людей. Но вот шансов пережить знакомство, если бы они обнаружили в мешке драгоценности, крайне мало. Так что все к лучшему в этом замечательном мире.

Док уже пришел к месту встречи и сидел в полной отключке. Обычное его вечернее занятие. Сейчас можно было в уши смело орать – не шелохнется. Проверено. Якобы медитирует. Нормальному человеку эти глупости ни к чему. Пусть маги балуются, изучая неведомые миры или собственные внутренности.

Блор уселся на притащенный раньше чурбачок, и Абала моментально залезла к нему под полушубок. Повозилась, устраиваясь и замерла. Детей здесь редко ласкали, разве совсем маленьких, а она еще и одна. Не прогонять же.

Вряд ли ей всерьез холодно. Приличный маг на такие вещи внимания не обращает. Закалка и медитация, включающие отстранение от раздражающих факторов, в том числе температуры, входит в обучение. Уж нырять в прорубь они могут без сомнений. На праздник всей семейкой полезли в прорубленную в озерке лунку. Его аж передернуло на расстоянии. Второй раз получить обморожение как-то не тянуло, сколько бы Док ни обещал излечения. Спасибо за спасенные пальцы, повторять не требуется.

Это он так думал. Заставили! Каждый день после пробежки. Хочешь учиться – выполняй.

Абала требовательно сжала колено. Блор знал, чего ей надо. Сболтнешь случайно что-нибудь – потом прицепится и просит продолжения. Ну чего он может о своей деревне рассказать важного и интересного? Везде живут схоже.

– Улицы в Шейбе расположены вдоль моря, не спланированы, грязны и пересекаются глубокими оврагами. Там вся эта гадость скапливается постоянно, и можно запросто утонуть. А уж воняет… – сказал он чувством. – Жуть! Когда дожди идут, оно все уходит, или почти все. А в остальное время, – Блор подумал и так и не нашел лучших слов, – жутко воняет. Дома стоят как попало, и нередко между ними и прохода нет нормального. Все помещения дома, начиная с подвала и кончая чердаком, так или иначе используют не только для жизни, но и для работы. Уличные фасады домов узки, зато дома уходят на значительную глубину. Это еще с давних пор пошло. Зато стены вокруг города нет, – движимый желанием найти нечто хорошее, заявил, – и можно строиться как угодно. Правда, везде хозяева, бесхозной земли не найдешь. Может, поэтому строят так странно. Но никто уже давным-давно не нападает. Нет такого.

«А что она, собственно, понимает?» – подумал без особого интереса. Море, порт, корабли, улицы, стена крепостная. Она, наверное, и не представляет, как это выглядит. Захочет – переспросит.

– Чуть не вся жизнь сосредоточена возле порта. Город живет торговлей солью. Лодочники перевозят ее с кораблей к причалу, грузчики перегружают,

весовщики проверяют соответствие заявленному и определяют качество. Купцы и лавочники продают оптом и в розницу, возчики везут ее дальше – в провинцию или в соседние земли. Удачное место. Широкая и подходящая бухта, а в ближайшей округе сплошные скалы вздымаются из воды. Слушай, ты хоть понимаешь?

Рука показалась наружу из-под его полушубка, и пальцы сложилась в хорошо знакомую фигуру. Не полное «нет». Частичное. М-да. Ну хотя бы не врет. Как объяснить нечто привычное настолько, что не задумываешься, откуда знаешь? Как изложить, зачем существуют и какие правила в цехах, гильдиях, кастах? Все равно что слепому о цвете толковать. Пока не столкнешься – не усвоишь. Здесь каждый сразу и воин, и ремесленник, и крестьянин, и купец. И никто не считает себя выше по поводу наличия знатных предков или земли. Она принадлежит всей семье сразу.

Говорят, в древние времена так везде было. Не верится. Даже варвары признают собственность и сделки. В здешних горах только 5–10 % земли подходят для выращивания овощей и зерна. Поэтому каждый плодородный участок и любая долина, пригодная для сельского хозяйства, жестко охраняется от чужих происков. А крови за них пролито не меньше, чем воды в реке.

– А зачем я говорю?

Абала выскользнула наружу, встала напротив него, и руки так и замелькали. Пару раз даже пришлось переспрашивать.

– Пришла как-то свинья к корове и стала жаловаться: «Люди тебя кормят, выносят за тобой навоз, да еще вечно нахваливают за приятный характер и добрые глаза. Конечно, ты даешь им молоко, масло, сыр, но ведь я даю больше: колбасу, окорока и отбивные, кожу и щетину, даже ноги мои варят! И все равно никто меня не любит. Отчего так?» – «А я отдаю свое добро еще при жизни, – удивленно моргая, ответила корова. – Чего тут странного?»

– А мораль басни? – спросил в недоумении Блор.

– Когда ты уйдешь, кто мне поведает о людях и их обычаях? Как они живут?

Глава 8. Демон – существо непредсказуемое

– Идет, – сказал рядом совершенно спокойно целитель, будто продолжал прерванный разговор.

Собственно, Блор так и приказал: независимо от результата охоты вернуться к этому часу. Еще одна проверка на исполнительность и подчинение. Не каждый способен прервать охвативший его азарт. А для Возмездия наверняка проблема бросить загнанную добычу. Вот пусть и выбирает, что важнее, – его страсть или приказ.

– Ничего не слышу, – сознался парень.

– Лесничий из тебя точно не выйдет. Он даже не скрывается.

– Но ты не видишь, а слух ничуть не лучше моего!

– Ну, в данном случае я выполнял некий урок Шуши.

– Да видел я…

– Видел, да не разобрался. Хотя я и сам не слишком много понимаю, – сказал Док с досадой. – Что делать знаю, а почему так выходит…

Он выругался. Абала хихикнула.

– Знаю где сидишь, ужасная девочка! Все вижу! Я в состоянии лахмы был!

Еще один довольный смешок. Похоже, в отличие от Блора, она прекрасно поняла.

– В чем ты был?

– Ну помнишь, рассказывал, будто выходишь наружу и все видишь?

– Я не рассказывал! – возмутился Блор. – Из меня вытянула эта, – он проглотил неприятное определение: Абала могла обидеться за родственницу, – магиня.

– Не суть важно. Почти одинаково. Но не так: все в черно-белом цвете, вокруг обнаруживаю движение. Замерших намного сложнее обнаружить. Потому что насквозь все вижу. Скалы, деревья, землю, животных… Ну любой материал. Различается оттенками. Очень тяжело вычленить нужное. А Шуша потребует, – он вздохнул, – и палкой врежет нерадивому.

Последнее было совсем не шуткой. Это Блор точно знал. Могла влепить, и еще как. Обычно они занимались не на людях и не каждый день, но вспышки ярости случались неоднократно. Попробуй нечто не выполнить. Любой ниже Шуши по рангу мог схопотать пинка. В такие моменты все ее старательно сторонились. Однако как еще ума набираться? Везде так делают. И отец сына порет. Главное – не переступать черты, где кончается воспитание и начинается показ власти, лишь бы показать.

– А почему у меня не получается повторить? – спросил Блор, прислушиваясь к вечерним звукам. Вроде ничего.

– Наверное, тебе требуется край. Знание, что без этого – конец. В следующий раз попробуй запомнить ощущение. Может, удастся вызвать силой воли.

– А… – нерешительно произнес парень.

– Ты звал Воина, – не дослушав, отрезал Док, – не Господина Недр. Вот и не выдумывай. Призывай помогающего. Тот умер. Он не бог.

Целитель давно решил, что выяснить это твердо никогда не удастся. Есть несколько вариантов, включая полное отсутствие чужого вмешательства. На пределе сил многие прорываются и делают вроде невозможное.

Мать поднимет груженную камнем телегу, чтобы спасти своего ребенка, а воин сумеет выйти на новый рубеж. Все-таки мальчишка брал многое на тренировках играючи. Одной наследственностью такого не объяснить. Но сбивать его с толку зачем? Пусть верит в Воина. Если замок открывается определенным ключом, надо им пользоваться, а не лезть через окно.

По склону скатились мелкие камушки, и показался Возмездие. Зверь был не лишен некой театральности и хвастовства. Вполне мог появиться по нормальной тропе, но спустился сверху. Так гораздо эффектнее. Не просто волочить за ногу хрюшку, а перекинув через плечо, абсолютно не по-собачьи. Он регулярно показывал совершено несовместимые качества: умение долго бежать, преследуя жертву, терпеливо сидеть в засаде.

По поведению иногда напоминал медведя. То есть хорошо лазил по кручам и деревьям, плавал и имел отличные обоняние и слух. Но главное – был всеяден, хотя и предпочитал мясо. Крупная голова сидела на мощной шее, и скорее всего укус даже мощнее того же бурого мишки. А глаза отнюдь не кошачьи, а вполне человеческие, только красные и светятся в темноте. Короче, магия. Не бывает таких хищников. Тем более практически разумных. Встречал Блор людей гораздо глупее на своем не слишком длинном пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lerner_marik/yunost-voina

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить